

Покров-17

Автор:

Александр Пелевин

Покров-17

Александр Сергеевич Пелевин

Книжная полка Вадима Левенталя

Загадочные события, разворачивающиеся в закрытом городе Покров-17 Калужской области в октябре 1993 года, каким-то образом связаны с боями, проходившими здесь в декабре 1941-го. И лично с главным героем романа, столичным писателем и журналистом, которого редакция отправляет в Покров-17 с ответственным заданием.

Новый захватывающий триллер от автора «Калиновой ямы» и «Четверо», финалиста премии «Национальный бестселлер», неподражаемого Александра Пелевина.

Содержит нецензурную брань!

Пелевин Александр

Покров-17

Не теряйте надежды и совести, не впадайте в грех уныния, не складывайте оружия, не опускайте рук. Хватит заживо гнить в своих уютных капканах. Покиньте свои пыльные, затхлые закоулки – выйдите на свет безбожный, вдохните полной грудью. Родина ждет вас – безнадежно-молодых, отчаянных и непокорных. Требуйте и достигайте невозможного! Наступите на горло своей

тоске, апатии, лени. Казните свой страх. Действуйте так, чтобы Смерть бежала от вас в ужасе. Мир держится – пока еще держится! – на каждом из нас – живом и непобедимом. И пусть нас мало – нас и всегда было немного – но именно мы двигали и движем историю, гоним ее вперед по сияющей спирали. Туда, где времени не было, нет и не будет. В вечность. Так не позорьте же себя и свое будущее. Встаньте!

Егор Летов

© А. Пелевин, 2021

© ИД «Городец», 2021

© П. Лосев, оформление, 2021

Пролог

4 октября 1993 года

Закрытое административно-территориальное образование Покров-17, Калужская область

Шел солдат, упал солдат

В желтую траву,

В бесконечный звездопад,

В сказку наяву.

И тогда пришел за ним,

Бел и шестикрыл,
Многоокий серафим
И заговорил.

Говорит: «Ты будешь сном,
Будешь тишиной,
Будешь ночью, будешь днем,
Небом и луной,

И глаза твои чисты,
И лицо черно.

Я принес тебе цветы —
Так заведено.

Спи, солдат, как спят в ночи
Горы и холмы,
Спи спокойно и молчи,
Стань таким, как мы.

Спи, солдат, как спит река,
Спи, как тень и прах,
Спи, как лодка рыбака
Дремлет на волнах,

Уподобившись нулю,
Станешь нам, как брат».

«Я не сплю, не сплю, не сплю», —
Говорит солдат.

Эти стихи я перечитываю, когда еду в автобусе до Покрова-17.

Строго говоря, так называется и город, и закрытая территория вокруг него. То есть я еду из Покрова-17 в Покров-17.

Это ржавый трясущийся УАЗ-«буханка». За рулем небритый сорокалетний мужик в потасканном камуфляже, на его коленях укороченный автомат Калашникова. Водитель нервничает и покусывает нижнюю губу, потому что хочет курить, но отвлекаться от дороги нельзя.

Кроме меня и водителя в автобусе еще трое. Они тоже в камуфляже и с автоматами, в черных вязаных шапках. У них уставшие лица. Они не смотрят на меня. Я не смотрю на них.

У меня тоже автомат. Я научился им пользоваться. Это оказалось очень просто.

По радио, прорываясь через скрипучие помехи, играет Анжелика Варум. Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок...

Водителю, видимо, не нравится эта песня, и он поворачивает ручку приемника. Гнусавый диктор говорит, что возле Дома Советов возобновилась стрельба. Прямо сейчас танки ведут прицельный огонь по верхним этажам здания. Внутри продолжается пожар. Слышны автоматные очереди. Счет раненых идет на десятки.

Водитель хмурится и выключает радио. Теперь ему хочется курить еще больше.

Кажется, в Москве все идет к концу. Здесь, в этой отрезанной от внешнего мира зоне, на этой потерянной территории, огражденной блокпостами и колючей проволокой, скоро все тоже кончится.

По окну автобуса стекают капли дождя, за стеклом серое небо и грязно-желтое поле. Впереди город. Я укутываюсь в шарф, потому что из окна дует прямо в шею. На распоротой кожаной обшивке сиденья прямо передо мной нарисованы черным фломастером серп, молот и звезда.

Я надвигаю на лоб шапку, чтобы никто не видел, во что я превращаюсь. Это не самое приятное зрелище. Хотя всем, конечно, плевать, потому что все уже давно это знают. Даже мне наплевать. Просто я не хочу лишний раз думать об этом.

Мои глаза скрывают темные очки, чтобы никто не видел, что с ними происходит. На мне грязная солдатская куртка с длинными рукавами, в которых можно прятать кисти рук. Я потолстел, хотя почти не ем. Мне удалось сохранить рассудок, но можно ли назвать это рассудком?

Я закрываю глаза и вспоминаю, как выходили из утреннего тумана черные тени с красными нимбами, как приближались ко мне, не переставляя ног, будто картонные силуэты, влекомые ветром. Они обступают меня со всех сторон. У них нет лиц, но я знаю, что они смотрят на меня.

Я знаю, что со мной происходит, и делаю только то, что теперь имеет смысл.

За эти дни я узнал о Покрове-17 почти все, что хотел. Почти все. Теперь надо узнать самое главное.

Поэтому я еду из Покрова-17 в Покров-17 и перечитываю стихи в блокноте.

Я понял одну важную вещь о моей книге. Всегда казалось, что в этой героической сказке о великой войне нет ни слова правды. Это не так.

Эта книга – самое правдивое, что я когда-либо писал.

Кажется, благодаря ей начинаю понимать, кто я на самом деле.

Я еду из Покрова-17 в Покров-17, чтобы добраться до Объекта и поставить точку.

Я знаю, как победить смерть.

Меня зовут Андрей Тихонов.

Глава первая

21 сентября 1993 года

Закрытое административно-территориальное образование Покров-17, Калужская область

Я совершенно ничего не понимал. Сначала даже не мог вспомнить, кто я и как меня зовут. Будто только что вышел из больного коматозного сна.

Болела голова, в глазах двоилось и темнело.

Я сидел за рулем моих стареньких «Жигулей». Машина стояла с включенными фарами на обочине шоссе, а вдалеке на краю темно-синего неба пробивалась голубая полоска рассвета – или нет, или это закат? Часы показывали 7:30. Для вечера слишком темно. Значит, рассвет.

Ровно гудел мотор. Из-за опущенного стекла пахло бензином и мокрой травой.

А потом я увидел, что рядом со мной в машине сидит мертвец в милицейском кителе с погонами майора.

Несколько секунд я смотрел на него.

Покойник сидел в кресле с запрокинутой головой и раскрытым ртом, из его груди торчала рукоять финского ножа. По кителю растекалось пятно черной крови. Из-под сбитой набекрень синей фуражки торчала прядь светлых волос.

У меня задрожали колени, к горлу подступила тошнота. Я смотрел в его лицо – бледное, с посиневшими губами и мутно-белесым взглядом.

Закрыл глаза, глубоко вдохнул, снова посмотрел на мертвеца, выдохнул и опустил лицо на руль, закрывшись руками.

Все выглядело реальным – и я, оказавшийся за рулем своей машины на обочине какого-то шоссе черт знает где, и рассвет впереди, и мертвец в синем кителе, и нож в его груди. Запах бензина и мокрой травы.

Как я здесь оказался?

Как, мать вашу, я здесь оказался?

Я же не спал, совершенно точно не спал и вроде не терял сознания – или терял?

Происходящее осознавалось медленно, голова соображала с трудом, будто в ней тяжело скрипели ржавые шестеренки.

Открытый бардачок, в нем фотоаппарат, пачка «Мальборо», зажигалка, кассеты – группа «На-На», «ДДТ», Иосиф Кобзон, а еще «Русское поле экспериментов» «Гражданской обороны» – пустая коробка, видимо, кассета в магнитофоне, кажется, я слушал ее по дороге – да, точно.

В свете фар посреди густой утренней синевы клубился туман, воздух был сырым и холодным.

Я посмотрел в зеркало.

Да, и это я, я узнал себя. Меня зовут Андрей Васильевич Тихонов. Я журналист и писатель. Я приехал сюда... Да черт, зачем я приехал сюда?!

Вот мое лицо, оно мне не нравится: одутловатое, с морщинами на лбу и вокруг губ, рыхлый подбородок, старые очки, из-за которых глаза кажутся маленькими черными угольками, редкие темные волосы с проседью. Куда ты полез, дед, ну куда ты полез...

Я еще раз глубоко вдохнул и снова выдохнул.

Я решил, что надо прийти в себя и разобраться. Я приехал сюда из Калуги. Где бы я сейчас ни был, сюда я точно приехал из Калуги, я выехал оттуда днем. Куда? Куда я ехал? Что это за человек?

В конце концов все вопросы упирались в три основных: «что я здесь делаю», «как я здесь оказался» и «откуда здесь мертвец». На эти вопросы я ответить не мог.

Было страшно.

Чирикали первые утренние птицы и стрекотали насекомые. Полоска рассвета на горизонте посветлела до голубовато-белесого.

Я снова взглянул на мертвого майора, и шок от его вида сменился омерзением вместе с ненавистью и брезгливостью.

Я отстегнул ремень безопасности, потянулся через тело к двери с другой стороны, стараясь делать это осторожно, лишь бы не коснуться мертвеца – он отвратителен, он сама мерзость, мне показалось, что я сам заражусь смертью и умру, если прикоснусь к нему.

Я открыл дверцу нараспашку, а потом попытался вытолкнуть мертвеца ногой из машины. Труп оказался слишком тяжелым. Я оперся рукой о спинку своего сиденья, прислонился спиной к двери и толкнул мертвеца обеими ногами – одной в бок, другой в бедро. Труп покачнулся и вывалился из машины наполовину. Я пнул его еще раз и еще, и тело незнакомца рухнуло на обочину.

Какая мерзость.

Тело свело брезгливой судорогой, я вздрогнул, поморщился и захлопнул дверцу.

Кем бы он ни был, одной проблемой теперь точно меньше. Лучше не думать об этом.

Нет, не меньше. Ни хрена не меньше. У меня в машине сидел покойник. Сраный мертвец, майор милиции с ножом в груди. Мертвый, абсолютно мертвый, весь в крови. Господи, откуда?

Стало холоднее. Я запахнул серый пиджак, накинутый на свитер, поежился, снова огляделся, дрожащей рукой достал из бардачка пачку сигарет, чиркнул зажигалкой, закурил, выдохнул дым прямо в лобовое стекло и сказал вслух первое слово после того, как пришел в себя.

– Говнище, – сказал я.

Это было все, что я мог сказать.

Услышав собственный голос, неровный и хриплый, я почувствовал себя лучше и немного спокойнее, насколько вообще можно быть спокойным в такой ситуации.

- Говнище, - повторил я громче и четче.

Надо ехать. Черт знает куда, лишь бы подальше от этого тупа на обочине - а там, может, и появятся какие-нибудь мысли о том, как я тут оказался и что делать дальше.

Я побарабанил пальцами по рулю, взглянул направо, будто проверяя, не встал ли вдруг мертвец на ноги, надавил на педаль газа, тронулся и вырулил с обочины на трассу.

Дорога постепенно приводила мысли в порядок. Линия рассвета впереди окрасилась багровыми прожилками, воздух становился светлее и прозрачнее. На темных лугах по сторонам дороги лежал туман.

Надо было дышать. Я дышал ровно, глубоко, размеренно, насыщая мозг этим сырым предрассветным воздухом, и боль в голове уходила, а мозг начинал лучше соображать.

Я вспоминал, зачем сюда приехал.

Я должен был собрать для статьи информацию о ЗАТО «Покров-17». Закрытая территория с 1981 года, около сотни квадратных километров, и никто не знает, что там - ведь туда никто никогда еще не попадал, и никто оттуда не выбирался. Только раз в неделю, говорят местные, через блокпост проезжают военные грузовики с продуктами. Наверное, с продуктами.

Кто там живет и что там происходит, тоже никто не знает. О других закрытых городах есть хотя бы более или менее достоверные слухи. Где-то ядерное оружие, где-то химическое, какие-то уже рассекретили или разворовали, какие-то только собираются, а здесь - ничего. Глухо. Не принимать же во внимание безумные теории всяких фриков вроде Юрия Куропаткина и его газеты «Голос Галактики».

Мысли прояснились.

Итак.

Днем 19 сентября я выехал из Калуги по направлению к этой территории. Но я не собирался отправляться в сам Покров-17, да и как туда попасть – это место закрыто блокпостами и обнесено колючей проволокой, вышки, прожекторы, военные, собаки... Нужно было подъехать на максимально безопасное расстояние, чтобы не заинтересовались солдаты, сделать несколько заметок и фотографий, поговорить с жителями окрестных сел.

Даже в какой-то мере хорошо, что в стране полный бардак. Может, хоть теперь что-нибудь удастся выяснить.

Вспомнился главный редактор, Пискарев, с его вечно скептическим выражением лица, с черными усами, острым носом и модными полутемными очками в толстой оправе. В тот вечер он ходил кругами по редакции, спрятав руки в карманы новенького турецкого пиджака, и рассказывал, что нужно от материала.

– Андрей Васильевич, вы поедете в неприятное место, – говорил он. – Но и оплата, как я сказал, будет в тройном размере. Вам надо будет рассказать читателю о том, чего он вообще никогда не знал. Все знают сейчас и про Чернобыль, и про кучу всяких ЗАТО с ядерным оружием, а про Покров-17 мы сами узнали буквально пару месяцев назад. Как такое возможно? С восемьдесят первого года держать такой режим секретности... Я когда узнал – не поверил. Сейчас же все в полной жопе, хочешь – атомную подлодку купи со всеми секретами, были бы деньги, а тут...

– Вы правы, – говорил я. – Скажу честно, не особо рассчитываю узнать, что именно там происходит, потому что с таким режимом...

– Нет-нет, – замахал руками Пискарев. – Даже не пытайтесь пробираться внутрь, вы нам нужны живым и на свободе.

Поговорите с местными, которые живут рядом, не приближайтесь к периметру. Нам нужен хороший материал, но не такой ценой. Не рискуйте, умоляю, голову же потом с меня снимут. Вы еще можете туда вставить несколько слов о войне – у вас же в книге как раз про эти места?

– Да, там был поселок Недельное и были жестокие бои, но с тех пор это место, видимо, сильно изменилось. Даже город построили. Построили и через пятнадцать лет закрыли...

– Умоляю, Андрей Васильевич, вы нам еще очень нужны, не рискуйте, ради бога.

Я не собирался рисковать.

Еще бы.

Сейчас бы в пятьдесят два года рисковать ради газетной статьи. Я уже рисковал, когда оказался на первомайских беспорядках в Москве. Видел, как человеку разбили голову, а потом тот лежал в крови и не двигался. Потом меня утащила толпа, чуть не затоптали бегущие люди, я впервые испытал настоящий страх за свою жизнь. Этого хватило[1 - 1 мая 1993 года в Москве милиция разогнала праздничное шествие коммунистов.].

Через четыре дня после разговора с Пискаревым я выехал на машине от Москвы до Калуги. Эти «Жигули» я купил два года назад, потратив все сбережения и добавив гонорар за книгу. Так далеко на машине я еще не выбирался.

Гостиница в Калуге, отвратительный завтрак, остывшая яичница, прогулка до музея Циолковского, постоять и покурить с красивым видом на реку, потом снова гостиница, поспать пару часов, перекусить, снова сесть в машину.

По радио рассказывали, что в Москве творится какая-то чертовщина. Хасбулатов, Верховный совет... Я очень хотел спать и не понимал, что происходит. Радио пришлось выключить – клонило в сон.

Что было дальше? После того, как я выехал из Калуги и вырулил через Малоярославец на дорогу к Покрову-17?

Что было дальше?

Я не помнил. И до сих пор этого не помню.

Каждый раз, когда я вспоминал мертвеца, по спине пробегала дрожь и шею сводило судорогой; я старался прогнать эти мысли, но не мог, перед глазами стояло его мертвое лицо, его опустевший взгляд и нож, торчащий из груди.

Спустя десять минут поездки по трассе я увидел на обочине голосующего человека.

Отлично. Теперь будет хотя бы понятно, что это за место.

Я сбавил скорость и увидел в свете фар невысокого лысого мужчину в камуфляжной куртке с сизым воротником.

Ура. Хотя бы не мертвец.

Впервые за все это время я улыбнулся собственной дурацкой шутке, сбавил скорость и затормозил.

Мужчина в куртке тоже заулыбался и ускоренным шагом двинулся к машине. Его улыбка мне не очень понравилась.

Я разблокировал дверцу.

Мужчина резко распахнул ее, просунул голову в салон и наставил мне в лицо обрез двустволки.

– Гони в Светлое, дед. Быстро.

Человек криво улыбался, обнажив зуб с золотой коронкой, его лицо было одутловатым и с недельной щетиной. Обрез смотрел черным дулом прямо в мои глаза.

Говнище.

Странно, но я даже не чувствовал страха, а слова пришли на язык сами собой.

– Я не дед, – сказал я. – Мне пятьдесят два.

– А выглядишь как дед, – продолжил мужчина с обрезом, не переставая криво улыбаться. – Давай, гони в Светлое.

Он говорил с ярким южнорусским «гэканьем» – я раньше думал, что так говорят только на Украине, но оказалось, что звук «г» так произносят почти по всей южной России, вплоть до Калужской и Брянской областей.

Он забрался на сиденье и захлопнул дверцу, не отводя ствол. Теперь он упирался мне в бок.

Лучше делать то, что говорит этот человек с обрезом. Ни разу в жизни на меня не наставляли оружие. Непонятно, что обычно делают в таких ситуациях. Наверное, то, что скажут. Логично.

– Хорошо, – я развел руками. – Но я даже не знаю, где это твоё Светлое.

– Ты нездешний, что ли, а? – с подозрением спросил мужчина.

Я покачал головой.

– Да не заливай, – мужчина вдруг оживился, его глаза нездорово заблестели. – А выглядишь как здешний. Что заливаешь тут? Машина у тебя... Вот уж не думал, да. Повезло мне с тобой. Так откуда ты, а? Из «Прорыва»? Из ментов? Нет, если бы из ментов, я бы тебя запомнил, значит, из «Прорыва»?

Он говорил быстро и оживленно, будто очень давно ни с кем не общался и теперь наконец прорвало. Голос его звучал неприятно. Нужно было вести себя максимально осторожно: незнакомец явно на взводе. Обрез, видимо, тоже.

– Тем не менее я не отсюда, – терпеливо повторил я.

– А откуда? И как сюда попал? Сюда же хрен попадешь, ты чо, ты чо, а? – он придвинулся поближе. – Ты чо врешь мне, а? А машина откуда? Тут «Жигулей» вообще не бывало, все тачки по пальцам можно пересчитать. Погодь, да у тебя рукав в крови... Что, мочканул кого? Мочканул уже? Ну ты, дед, даешь, а...

Я покосился на рукав пиджака: он действительно испачкался в крови.

– Слушай, – сказал я. – Убери свой обрез, он заставляет меня нервничать, а когда я нервничаю, я плохо веду машину. Ты мог бы просто по-человечески попросить подбросить тебя до своего Светлого. Может, и мочканул. Какое твое дело?

Опять странно. Я никогда не переходил с незнакомцами на «ты», даже если те вели себя по-хамски. Мужчина в камуфляжной куртке хрипло гыгыкнул, но обрез не убрал. Он выглядел и разговаривал как типичный зэк. Я видел таких, когда в восемьдесят седьмом писал серию заметок об исправительно-трудовой колонии в Саратовской области.

– Короче, – сказал он. – Если не знаешь, где Светлое, я покажу. Это прямо пятнадцать километров, потом на дорожку свернуть... Мне надо там поговорить с одним человечком, ага, прямо очень вот надо... Ствол не уберу. Раз ты кого-то уже мочканул, то и меня можешь мочкануть, а? Можешь? Можешь, вижу, что можешь...

– Ладно, давай поедem в твое Светлое. Только скажи мне...

Я на секунду замолчал, пытаюсь сформулировать вопрос так, чтобы он не казался слишком идиотским.

– Мы вообще где?

Не получилось.

– Ты как тут оказался, дед? – незнакомец быстро огляделся вокруг и снова недоверчиво уставился на меня. – По тебе же видно, что здешний, ну очень похож, да...

– Если бы я сам знал, – я вздохнул. – Послушай, я не дед. Я писатель. Андрей Васильевич Тихонов. Читал?

Незнакомец покачал головой.

Черт с ним.

Я надавил на газ, осторожно тронулся с места и продолжил заговаривать зубы.

– Я написал книжку о боях за поселок Недельное во время Великой Отечественной, он был тут до появления Покрова-17, этот поселок, потом черт знает, что с ним стало, но суть не в этом. «На Калужский большак», так называется книжка. А сейчас я пишу статью для газеты про Покров-17. Я хотел добраться до этих мест, расспросить местных...

– Ты в Покрове-17, – сказал незнакомец. – Как пропуск раздобыл, а?

– Я не раздобыл пропуск, – ответил я. – Не знаю, как сюда попал. Просто пришел в сознание тут, на обочине.

– Заливаешь мне тут... Раз пропуск раздобыл, значит, знаешь, как отсюда выбраться. А я как раз и хочу отсюда выбраться. А ты? Ты хочешь отсюда выбраться?

– Не знаю, – сказал я.

– Дурак, дед. Отсюда все хотят выбраться. Только никто не может. Ты, это... – он, кажется, немного расслабился. – Ты говоришь, книжку про войну написал. Воевал?

– Нет, – мне стало забавно, и я улыбнулся, глядя перед собой на трассу. – Как я мог воевать, мне же пятьдесят два года, я в сорок первом только родился.

– А выглядишь, как будто воевал.

Как же он надоел.

Я не умел общаться с такими людьми. Вернее было бы сказать – не любил.

Когда мы проехали еще десять километров по трассе, впереди на горизонте показался алый край солнца, лучи рассвета вспыхнули бликом на лобовом стекле. Я поморщился, но от солнца стало легче и спокойнее.

Незнакомец по-прежнему не убирал обрез. Он выглядел уставшим, но напряженным. Судя по красным глазам, он не спал всю ночь.

– Раз уж так, – сказал я. – Скажи хотя бы, как тебя зовут и откуда ты вообще.

– Допустим, Леша, – ответил незнакомец. – Обычно меня звали Блестящий. Из-за лысины, ага.

– Что-то подсказывает, что ты каким-то образом связан с не очень законными делами. Даже не знаю что. Кличка? Внешний вид? Твой обрез?

Блестящий ухмыльнулся и не стал отвечать.

Мой козырь сейчас – разговорить человека с обрезом, попробовать если не расположить его к себе, то хотя бы вывести на нейтральное отношение. Успокоить, в конце концов.

– Ты лучше расскажи мне про это место. Что здесь вообще? Тут разве не один городок?

– Городок... – протянул Блестящий. – Зона-то большая. Тут три деревеньки, Светлое, Железное и Колодец. Есть железнодорожная станция, но туда лучше не соваться. Ну и в самом центре... Небольшой городок, да, это и есть Покров-17. Там институт какой-то, где ученые работают, менты и солдаты туда-сюда мотаются, там почти все дома пустые, ну, знаешь, панельки пятиэтажные. А ты что, на экскурсию приехал? Какого хрена я тебе тут все рассказываю?

– А от тебя убудет? – я не переставал удивляться своей наглости.

Блестящий снова хрипло хохотнул.

– Да и правда, хрена ты турист такой, не могу... Ну про Черный Покров и объект хоть знаешь?

– Что?

Блестящий снова хищно заулыбался, сверкнул золотым зубом, прищурился.

- Да ты гонишь, дед... Как сирены выли, не помнишь?

- Нет. Что это вообще?

- Значит, увидишь еще. Ну, как увидишь... - он усмехнулся. Казалось, Блестящий стал относиться ко мне чуть теплее. Значит, сработало. Я ненавижу конфликтовать с людьми. Всегда лучше втереться в доверие, расположить, уболтать. Даже если на тебя наставили обрез.

- А чем вы тут тогда занимаетесь? - спросил я.

- Челноки мы, дед. В Химки ездим. Деревянными членами торгуем.

- Что?

Блестящий расхохотался, брызнул слюной, кашлянул.

- Да шучу, боже ж ты мой. Выживаем. Как можем. Я вот с обрезом выживаю. Лучше, чем без обреза.

- Слушай, убери его уже, я нервничаю, - сказал я.

- Хер тебе. Вот там видишь поворот? Нам туда.

Что ж, не сработало.

Когда машина подъезжала к повороту, Блестящий покосился взглядом на открытый бардачок.

- О, что за музыка у тебя? Русское поле... чего? Экспериментов? Народные песни что ли слушаешь? «На-На» не слышал. Поставь что-нибудь, нам еще минут десять ехать.

Народные песни. Ага.

Я вдавил кнопку проигрывателя. Раздался хриплый, протяжный голос вперемешку с потрескиваниями и шипением:

Набить до отказа собой могилу —

Это значит наследовать землю.

Что же такое наследовать землю?

Это значит исчерпать терпение,

Что и требовалось доказать...

– Вырубай, башка щас лопнет, – сказал Блестящий. – Что ты только слушаешь... Батя у меня таким голосом орал, когда пьяный был.

Я выключил проигрыватель. Ну конечно, подумал я, ничего удивительного.

О «Гражданской обороне» я узнал в 92-м году, когда пришел на встречу со студентами факультета журналистики МГУ. Один наглый долговязый парень вместо того, чтобы поддержать разговор о книгах или о журналистике, спросил, слушаю ли я современный российский рок. Я тогда засмеялся. Я вообще редко слушал музыку.

А долговязый не унимался и продолжал говорить: послушайте, мол, «Гражданскую оборону», я уверен, что вам должно понравиться. Я потом совершенно позабыл об этом, а потом, гуляя по Арбату, наткнулся на надпись черным фломастером на стене: «Гражданская оборона», где буквы «а» были стилизованы под символ анархии. Вспомнил, спустя пару дней ради любопытства раздобыл у знакомых самопальную кассету с криво напечатанным черно-белым вкладышем, поставил дома в магнитофон – и ошалел.

– Время сейчас такое говно, – продолжал Блестящий. – Вроде и посвободнее, караулы ослабили, на армию совсем болт положили, а грузовики с продуктами ходят реже, и жратвы стало меньше, черт его знает, дед, что будет... Нас тут все забыли нахер. Горбачев забыл, а Ельцин с Гайдаром своим и Чубайсом и подавно забыли. Ты писатель, да, так пиши, пиши! Про всё напиши! Как нас тут забыли, как мы тут живем как звери, как боимся... Ты же не знаешь, да, точно, ты же не знаешь! Ха!

Он наклонился – из его рта воняло – и понизил голос до хриплого шепота:

– Тут жуть происходит, понимаешь? Тут страшно. Тут Черный Покров. Тут мертвые святые ходят тенями. И твари эти, и люди как чудовища, и чудовища как люди...

Пока Блестящий говорил это, лицо его выглядело совсем иначе, будто у испуганного ребенка.

– Что за... О чем ты? – ошарашенно спросил я.

– Весело тебе тут будет, дедуль, – Блестящий снова криво улыбнулся и замолчал.

Мы свернули с трассы и выехали с асфальта на грунтовую дорогу, проходящую через сосновый лес. Машину затрясло сильнее. Вскоре за очередным поворотом кончился лес, и за ржавой перекошенной табличкой с надписью «Светлое» показалась деревня.

Мы проехали несколько покосившихся домиков с крышами из дырявого рубероида, с длинными покосившимися заборами и разросшимися палисадниками, со штабелями гнилых досок, накрытых брезентом. Людей на улице не было.

– Уже почти, – сказал Блестящий. – Вот у этого дома останови.

Я подвел машину к дому, на который он указал.

– Выходи, – скомандовал Блестящий.

Пришлось открыть дверь и выйти из машины.

– Отдай ключи, – сказал Блестящий.

– Зачем?

– Чтобы ты не сбежал. Думаешь, я тут найду хоть еще одного придурка с машиной? Гони давай, таксист.

Я отдал Блестящему ключи, тот сунул их в карман, захлопнул дверцу, хитро посмотрел на меня, ухмыльнулся, снова ткнул мне в лицо обрезом.

– Жди, я недолго. Поговорю с человечком и вернусь.

Я кивнул.

Блестящий пошел к дому в выцветших досках цвета гнилого персика. Медленно, осторожно, сначала заглянул в одно окно с почерневшим наличником, потом в другое. Потом встал у калитки, просунул руку, вытащил крючок с другой стороны. Прошел во двор, поднялся на крыльцо, неуверенно дернул дверь – она оказалась открыта. Потянул дверь на себя и боком протиснулся внутрь.

Я вспомнил, что оставил сигареты в машине. Протиснул руку в открытое окно, нашарил в бардачке пачку, вытащил, зажал в зубах сигарету, закурил.

В доме грохнул выстрел.

Я вздрогнул.

Раздался еще один выстрел. Вдалеке залаяли собаки.

Я крепко сжал пальцами сигарету и затянулся, не отводя взгляд от крыльца.

Дверь резко распахнулась, но на крыльцо вышел не Блестящий.

Это был высокий небритый мужик в растянутой белой майке и синих тренировочных штанах. В руке он держал пистолет Макарова.

Он вскинул пистолет и навел на меня ствол.

– Так, ты, урод! Ты еще кто? – резко и нервно крикнул он, не сходя с крыльца.

Я не понимал, что отвечать, но на всякий случай бросил сигарету и поднял руки.

– Я, ну... Я писатель. У меня нет оружия, не надо стрелять.

– Писатель? Ты что тут забыл? Это его машина? – человек с пистолетом кивнул в сторону дверного проема.

Он выглядел так, будто его разбудили с тяжелого похмелья. Опухшее красное лицо, всклокоченные волосы, явно не знавшие мытья как минимум несколько недель, нервные, дерганные движения, сиплый голос.

– Это моя машина, – сказал я. – У него в кармане мои ключи. Мне бы их забрать, и я бы просто уехал отсюда. Я вообще не знаю, кто он.

– Почему вы вместе? – вскрикнул человек, медленно сходя с крыльца и не отводя пистолет.

– Мы не то чтобы вместе... Он тоже угрожал мне оружием и заставил приехать сюда.

– Ты мне не заливай, урод, – незнакомец медленно приближался, продолжая держать меня на мушке. – Ты откуда вообще? Из «Прорыва»? Из ментов?

– Я не отсюда.

– А похож на местного. Ладно. Был бы из ментов, я б тебя помнил.

Кажется, где-то я уже слышал это.

Подойдя ближе, незнакомец внимательно осмотрел меня с ног до головы, потом осмотрел машину, потом снова меня.

Потом опустил пистолет.

– Ладно, – повторил он. – Мне срать, кто ты такой и откуда. Помоги закопать этого.

С этими словами он опять кивнул в сторону дома.

- А меня не застрелишь? – спросил я.

- Не будешь выпендриваться – не застрелю. Пойдем.

Мы поднялись по крыльцу и прошли через сени в избу, слабо освещенную керосиновой лампой. Под ногами скрипели доски.

Классическая деревенская картина – замазанная глиной стена печки, гобелен с оленями на стене, иконы в углу, кровать на пружинах с драным матрасом. Из кухни воняло чем-то пережаренным.

И этот спертый запах затхлой одежды, пыли и старых обоев.

Блестящий лежал на полу посреди комнаты, нелепо раскинув руки, с открытыми остекленевшими глазами. Полы его камуфляжной куртки разметало в стороны, по футболке на животе растекалось черное пятно, еще одно, чуть поменьше – на груди.

Второй мертвец за час.

- Разбудил меня, пидор, – сказал незнакомец. – Водки выпьешь?

Кажется, без водки тут никак. Я кивнул, не переставая смотреть на труп Блестящего. Снова стало отвратительно, как тогда, с мертвецом в машине.

- Щас все организуем, папаш, водочка что надо... – сказал незнакомец, спокойно перешагнув через труп.

От него несло нечищеными зубами и перегаром.

- Вы с ним, кажется, не поладили.

- О да-а-а, – протянул он. – Этот дохлый мужик много говна натворил на своем веку. Вредный мужик. Хорошо, что дохлый.

Он подошел к буфету, вытащил бутылку водки, разлил по стаканам.

- Держи, - он протянул стакан прямо через тело Блестящего.

Я залпом выпил, поморщился, крикнул. Водка обожгла нутро.

Незнакомец тоже выпил, поставил стакан.

- Тебя как зовут-то? - спросил он.

- Андрей. Я писатель и журналист. Я тут, чтобы собрать...

- Да насрать всем, для чего ты тут. Сейчас ты тут, чтобы помочь мне избавиться от этого, - он опять кивнул на труп. - Закопаем и дело с концом. Меня Корень зовут, рад, как говорится, знакомству. А это еще...

Корень посмотрел в сторону раскрытого окна; я взглянул туда же.

На подоконнике, свесив короткие пухлые ножки, сидел маленький толстый человечек, ростом меньше метра, совершенно голый, лысый, круглопузый, с непропорционально большим приплюснутым носом и маленькими глазками, заплывшими жиром. Его лицо выглядело до невозможного уродливым.

А потом я увидел, что его ступни больше похожи на мягкие розовые копытца.

Человечек приоткрыл слюнявый рот и с удивлением разглядывал труп Блестящего.

- Пш-ш-шел отсюда! - рявкнул Корень до того, как я успел хоть что-то сообразить.

Человечек вздрогнул, пробормотал что-то неразборчивое, неуклюже соскочил с подоконника наружу, плюхнулся в заросший лопухами палисадник и пустился наутек.

– Вечно лезут, когда не надо... Что вылупился? Давай копать, – он хлопнул в ладоши, явно повеселев после водки, и указал пальцем в сторону сеней. – Там лопата, возьми.

Я оглянулся – в углу сеней стояла лопата, испачканная в навозе.

Я взял лопату, а Корень подхватил труп Блестящего под лодыжки, приподнял их, напрягся и с кряхтением поволок тело к выходу.

– Может, помочь? – неуверенно предложил я.

– Ну тебя... – прокряхтел Корень. – Писатель. Лопату неси, потом копать будешь.

И остановился, потому что снаружи раздался бодрый и звонкий голос.

– Добр-р-ое утро!

Корень бросил тело Блестящего, нахмурился, осторожно выглянул в окно и смачно выругался.

– Да твою мать...

Корень сплюнул на пол, отобрал у меня лопату, швырнул ее в сторону, снова выругался, потом наклонился ко мне и быстро зашептал:

– Так. Я буду говорить, а ты будешь мне поддакивать и во всем соглашаться. И оба будем в шоколаде. Понял? Это бешеный человек.

Я кивнул.

Корень притворно улыбнулся, вытащил из кармана пистолет, проверил обойму, снова сунул в карман и открыл дверь.

– Стой за мной и не высовывайся особо, – прошептал он напоследок, а затем вышел на крыльцо. – Здра-а-авствуйте, товарищ капитан! Давно не видел!

У моей машины, опершись рукой о капот, стоял высокий мужчина в темном парадном кителе с воротником-стойкой и капитанскими погонами, но без положенной к нему фуражки на голове, в ослепительно белых штанах. У него были нестриженные смолянисто-черные волосы с вьющейся челкой, крепкие скулы и большие глаза.

Пока Корень не видел, я опустил на корточки перед телом Блестящего, нашарил в его кармане ключи от машины, положил к себе.

Капитан улыбнулся во все зубы, зачесал пятерней волосы назад и пошел к крыльцу.

– А вы, дорогой, охоту затеяли? Уток стреляете? Или по грибы? Как думаете, можно ли стрелять в грибы? С одной стороны, конечно же, технически можно, ведь технически можно все, но смысл в этом, смысл? Понимаете?

Он говорил мягко и быстро, слегка картавил и не переставал улыбаться. В его речи не было «гэканья», к которому я уже успел привыкнуть за этот час. Видимо, не местный. Несмотря на легкую сутулость, в нем ощущалась внутренняя стать, точно у белогвардейского офицера из старого кино.

– А вы опять про ваши грибы, товарищ капитан, – улыбнулся в ответ Корень.

– Постоянство – путь к вечности. А что такое вечность? Вечность противостоит силам хаоса. Не для того ли мы здесь? А что это за товарищ интеллигентного вида из-за двери выглядывает? И откуда у вас такая роскошная машина? В наших краях таких, сами знаете...

Корень нервно метнулся взглядом в мою сторону и продолжил, уже не улыбаясь:

– Это мой старый друг... Андрей. Ему жить негде, вот и... А машину, ну, в городке нашел, в гараже стояла. Чуть починил, и вот на ходу, как новенькая.

– Конечно, конечно, – еще быстрее заговорил капитан. – Мы же тут все друзья, у нас нет другого выхода. Кстати, о друзьях! Я тут недавно слышал, что еще один ваш, эмм, друг собирался вас навестить. Совершенно, понимаете, неожиданно. Прямо даже очень внезапно, я бы сказал.

Капитан тоже перестал улыбаться. Он остановился прямо перед нижней ступенькой крыльца, сложил руки за спиной и выжидающе смотрел на Корня.

Я заметил, что Корень прячет руку в кармане, в который положил пистолет, и его запястье напряжено.

– Да? И кто же? – спросил он капитана.

– А это я у вас хотел спросить. Он же к вам поехал. Кажется, вместе с вашим другом. Как на охоту сходили? – он опять улыбнулся.

– Ничего не знаю.

– А я знаю.

Лицо капитана резко стало серьезным.

Корень выхватил из кармана ствол. Выстрелить он не успел. Раздался оглушающий хлопок. Корня откинуло назад, он пошатнулся и вцепился рукой в перила крыльца, едва не упав.

Капитан держал в руке пистолет, со ствола поднимался легкий дымок.

Корень, тяжело дыша и стиснув зубы от боли, снова попытался прицелиться в капитана. Его рука дрожала.

Снова грохнул выстрел. Корень резко скорчился, захрипел, упал на колени и рухнул ничком под мои ноги.

Третий труп за час.

Капитан вновь улыбнулся во все зубы.

– Пал Вавилон великий с его бесконечным днем! Я родился в семье морского офицера. Меня учили метко стрелять даже в шторм.

Он посмотрел на меня и таким же спокойным голосом продолжил:

– Добро пожаловать, Андрей Васильевич, извините за это все. Два... или сколько там, три убийства за час? Многовато. То ли еще будет, но не хочу вас пугать. Вы не бойтесь, спускайтесь. Его убил, а вас не убью.

У меня дрожали руки. Я поправил очки на носу. Было холодно и страшно, ноги казались ватными. Я спустился по ступенькам крыльца, неуклюже пытаюсь не наступать на труп.

– Слушайте... – я встал перед капитаном, оглянувшись на тело, снял и протер рукавом очки, снова нацепил их на нос. – Что тут вообще происходит?

Капитан убрал пистолет в кобуру и пожал плечами.

– А черт его знает, Андрей Васильевич. Видите – людей с самого утра убивают. Шучу. То есть нет, не шучу, конечно, убивают... Давайте сядем в машинку и доедем до города.

– 3-зачем? – мой голос дрогнул.

– Я должен вам тут все показать и рассказать. Вы же наш гость, понимаете? Вам надо освоиться. Вы же писатель? От вас идет мощная творческая энергия, хоть и не люблю это слово.

Капитан слегка наклонил голову, а потом указал рукой на мою машину.

– Поедем. Я за рулем.

Я старался не думать, почему этот человек все знает. Мы сели в машину – он на водительское кресло, а я туда, где еще утром сидел труп. Меня передернуло. Захотелось встать и уйти. Вместо этого я пристегнулся.

– Что ж, поедем в город, все покажу, со всеми познакомлю. Будете тут как дома, – продолжил он.

Он надавил педаль газа и стал выруливать на дорогу.

– Я тут не то чтобы дома, товарищ капитан, я хотел бы еще и вернуться.

– Зовите меня просто Капитан, – ответил он. – Если будете писать книгу – с большой буквы.

И снова улыбнулся.

Мы выехали на пыльную деревенскую дорогу. Солнце поднялось из-за горизонта и потеряло ярко-багровый блеск, вдали зажелтели прожилками тучи. Начинался день. В небе низко висели тяжелые облака, и казалось, еще немного и прольет дождь. Мы проехали через деревню – на улице по-прежнему ни одного человека, но, наверное, все спали – и вырулили на развилке направо, в сторону широкой дороги.

– Раз вы хотите все мне рассказать, – медленно заговорил я, – так расскажите. Что такое Покров-17? Что здесь находится?

Капитан покачал головой, поправил прядь на лбу, скептически хмыкнул.

– Вам, наверное, многое рассказали. Про Черный Покров? Про всяких, ну... тварей? Про мертвых святых? Про Объект?

– Я ничего не понимаю. Какой еще Объект, какой покров?

– Насчет Объекта врать не буду, я сам не знаю, что там. Почти никто не знает. Только в институте. И то не все. А Черный Покров и мертвых святых сами увидите. Тварей, к сожалению, тоже. И людей как чудовищ, и чудовищ как людей. Вы же понимаете, – он смягчил голос, – что вы отсюда не выберетесь? Вас просто не выпустят на КПП. Нельзя. Даже за взятку. Да и откуда вы деньги возьмете, тут денег как таковых нет.

– Как это – не выпустят? – не поверил я. – Вы местный шутник?

– Я никогда не шучу. Все, что я говорю – чистая правда.

Я тяжело вздохнул и отвернулся.

Это все бред, фантазия, преувеличение. Капитан явно любит приврать для красного словца.

– Я бы очень отсюда хотел выбраться, – мой голос задрожал. – Слушайте, вы-то кто такой, зачем вы все это... Я-то вам зачем? Я арестован?

Капитан снова хмыкнул.

– Что вы, почему сразу арестован, просто, понимаете... Хорошо, расскажу по порядку. Вы, наверное, гадаете, почему я о вас все знаю? Это не я. Мне позвонили из института, рассказали о вас, попросили встретиться и привезти на место. Вы нужны институту. Зачем? Я не знаю. Меня просто попросили вас встретиться. Можно сказать, что мое призвание здесь – собирать вместе хороших и разных людей.

– И убивать, – сказал я.

Капитан невозмутимо кивнул.

– И убивать. А что поделаться? Слушайте, в стране хаос, и в Покрове-17 тоже начинается хаос, а я не хочу хаоса. Я его не люблю. Есть люди, которые помогут вам, и вы поможете им сделать хорошие вещи. Насколько это возможно в наши дни, конечно. Вы человек умный, писатель, у вас нестандартное мышление, тут такие нужны. Очень нужны. А вы отсюда нет, не выберетесь, нет, отсюда никого не выпускают.

Я снова отвернулся и посмотрел в окно.

Да бред все это, думал я. Полный бред.

Утреннее солнце заползло под тучи и просвечивало белесой кляксой, небо становилось серым, облака постепенно стягивались в сплошную серую массу.

– Не против, если включу радио? – спросил Капитан.

Я кивнул. Ком застрял в горле. Стало тошно.

Капитан включил радио, стал крутить ручку. Из динамика зашипели помехи. Затем послышался сухой голос диктора:

– ...подтверждает, что Борис Ельцин уже сегодня намерен выступить с заявлением о роспуске Верховного Совета. Также, по данным источника, министр обороны Павел Грачев планирует провести экстренное заседание коллегии военного ведомства...

Капитан недовольно хмыкнул, снова повернул ручку, и голос ведущего потонул в скрипе и скрежете. И спустя несколько секунд я услышал другой голос: звонкий, с протяжными нотками, с какой-то парадоксальной смесью интеллигентской манерности и жесткости рабочего парня с окраин.

– ...эти чертовы блокпосты и эту чертову колючую проволоку. Даже отсюда мы видим, как предатели рвут на части нашу некогда красивую и сильную Родину. Пока мы сидим тут взаперти, как подопытные крысы для института, пока мы блуждаем во тьме – в самом прямом смысле во тьме! – мир снаружи гибнет, а с ним гибнем и мы. Прорыв необходим. Прорыв – наш единственный шанс выжить. Вы чувствуете, что Покров-17 медленно убивает вас. Вы не можете это не чувствовать. Это железный факт. Приходите к нам. У нас есть...

Капитан выключил радио.

– Старик, – сказал он. – Опять вещает тут. Знаете Старика? А, точно, откуда же. Это командир группировки «Прорыв», наверняка уже слышали о ней. На самом деле он хороший человек, я его знаю. Очень необычный человек, но хороший. Только вы никому не говорите, что он хороший. Ладно, давайте лучше музыку слушаем!

Капитан вытащил из магнитофона мою кассету, достал из бардачка другую наугад, вставил, вдавил кнопку. Щелкнула магнитола, внутри с потрескиванием зашуршала пленка. Это были «ДДТ».

– Что такое осень – это небо... – раздался в динамике хриплый голос.

– О-о-о! – присвистнул Капитан. – Как верно я угадал, а? Эта песня идеально подходит ко всему, что здесь происходит! Плачущее небо под ногами...

- В лужах разлетаются птицы с облаками... - пел Шевчук.

- Осень, я давно с тобою не был, - подпевал Капитан.

Ему явно стало еще веселее.

- Осень, в небе жгут кор-р-рабли! - продолжал он, неумелым хрипом пытаюсь копировать голос Шевчука. - Осень, мне бы пр-р-очь от Земли-и-и! Там, где в мор-ре тонет печ-а-ль, осень - темная да-а-аль!

Я не смотрел на капитана. Хотелось молчать и глядеть в окно.

- Приуныли вы, Андрей Васильевич, - продолжил Капитан. - Понимаю. Что такое осень? Это камни... Не унывайте! Что вас держит там? У вас нет жены и детей, родители умерли. Осень вновь напомнила душе о самом главном... Бросьте эту печаль. Как писал Алистер Кроули, каждый человек одинок навсегда.

- Осень, я опять лишен покоя... - продолжал хрипеть голос в динамике.

Капитан стал раздражать меня. Я повернулся к нему и тихо сказал:

- Вы всегда так много говорите?

- О-о-осень, в не-е-ебе... Что? Да. Всегда. А с кем тут говорить? С кем? С этими вот? - он кивнул назад. - Лучше уж в монастырь, дать обет молчания! Там, где в мор-р-е... Стоп.

Он нахмурился, выключил магнитофон и снизил скорость.

- Чувствуете? - тихо спросил он.

- Что?

- А, ну да... Сейчас. Буквально через пару секунд...

Да что еще такое, черт возьми.

Я ничего не чувствовал, но стало не по себе. Быстрыми движениями снял очки, протер их рукавом и снова нацепил на нос.

Капитан осторожно припарковался у обочины и затормозил.

Вдалеке взревели сирены.

Громко, длинно, протяжно, с железным скрежетом и электрическим завыванием. Звук усиливался и приближался, будто пролетая прямо над нами.

Господи.

По спине пробежал холодок. Я никогда не слышал ничего подобного. Только в рассказах о войне.

- Что это? - пробормотал я.

Сердце забило сильнее, в висках запульсировало, дрогнули пальцы.

Звук сирен нарастал с каждой секундой, он бил по ушам и впивался на высоких нотах в барабанные перепонки.

- Готовьтесь, - сказал Капитан. - Сейчас будет темно.

Мне захотелось спрятаться куда-нибудь - хоть куда, лишь бы отсюда подальше, зарыться в землю, перестать существовать для всего этого мира.

Ревели сирены и темнели облака, становясь плотнее, ниже и тяжелее, и небо сначала стало темно-серым, а потом, налившись густыми сумерками, соединилось в своей темноте с облаками.

Я потянул ноздрями воздух и почувствовал слабый запах дегтя.

Сирены стихали, а мир вокруг с каждой секундой становился темнее, будто очень быстро наступала ночь.

Но это была не ночь.

Темная пелена сгущалась вокруг, тяжелела и уплотнялась, проникая под самую землю, в деревья, в кусты, в придорожный песок, заполняя лобовое стекло автомобиля, точно сам воздух вокруг становился этой чернотой.

Я посмотрел на свои руки и увидел, как пляшут на них расплывчатые черные кляксы, растекаясь по коже и становясь темнее, и еще темнее, и еще, казалось бы, куда еще темнее, но вот – в лобовом стекле машины уже ничего не видно, ни дороги, ни деревьев, ни облаков, и все это напоминало ночное беззвездное небо, но оно было везде, вверху, внизу, сзади, спереди, справа и слева.

Я посмотрел на Капитана и увидел, что его лицо темнеет. Тот повернулся, вздохнул и что-то сказал, но звуки исчезали, и я мог только видеть, как шевелятся губы.

Умолкли сирены, стихло все вокруг, исчез шум моторов.

Я попытался посмотреть на свои руки, но увидел только мутные белесые пятна. Потом исчезли и они.

Пропали все звуки.

Наступила чернота.

Исчезли все цвета, пропали источники света, будто весь мир затопило густыми чернилами и воздух вокруг стал непроглядно слепым.

Я закрыл глаза.

Разницы не было.

***

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К ПОСОБИЮ ПО ЭКСПЕРИМЕНТАМ

В УСЛОВИЯХ АБСОЛЮТНОГО ПОГЛОЩЕНИЯ

СВЕТОВОГО ПОТОКА

Научно-исследовательский институт аномальных световых явлений ЗАТО «Покров-17»

Абсолютное поглощение светового потока (АПСП) – временное, хаотично возникающее явление, при котором все видимые объекты в обозримом пространстве полностью поглощают фотоны, в результате чего их наблюдение становится невозможным. АПСП наблюдается исключительно в пределах закрытого административно-территориального образования «Покров-17» с 5 апреля 1981 года; другие примеры возникновения АПСП неизвестны.

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЯВЛЕНИЕ АПСП:

1. В отличие от обычной ночной темноты, при возникновении АПСП полностью отсутствует адаптация глаза. Сетчатка и колбочки никак не реагируют на наступление темноты, сколько бы она ни длилась. Наступившая темнота, таким образом, абсолютна и не позволяет что-либо увидеть. Полностью отсутствует стимуляция палочек и колбочек внутри глаза, в результате чего клетки фоторецепторов не посылают в мозг никакой реакции.
2. В зоне воздействия АПСП перестают функционировать осветительные приборы, а открытый огонь прекращает быть источником освещения. Тепловая энергия не преобразуется в световую. Причины этого неизвестны.
3. АПСП начинается и заканчивается постепенно, скорость развития явления варьируется. Согласно сообщениям очевидцев, испытуемых и сотрудников НИИ аномальных световых явлений, АПСП начинается как легкое погружение в сумерки и заканчивается абсолютной темнотой.

4. АПСР – временное явление. Его продолжительность варьируется. Средняя статистическая продолжительность АПСР – 17 минут 30 секунд. Самое долгое АПСР было зафиксировано 13 ноября 1985 года и длилось 1 час 34 минуты и 13 секунд. Самое короткое АПСР было зафиксировано 25 июня 1987 года и длилось 4 минуты и 5 секунд.

5. АПСР – хаотическое явление. Оно возникает бессистемно, не имеет четкого графика, не зависит от времени суток и погодных условий. Частота возникновения АПСР варьируется. Наибольшей частоты явление достигло 12 февраля 1983 года – 5 эпизодов за одни сутки. С 12 апреля по 1 мая 1987 года был зафиксирован самый продолжительный период отсутствия АПСР. Чаще всего (в 75 % случаев) следующий эпизод возникает не раньше, чем через 30 часов после предыдущего.

6. АПСР также воздействует на слуховую систему, полностью либо частично лишая возможности слышать и распознавать звуки. Причины такого воздействия не изучены.

7. АПСР в ряде случаев может вызвать приступ паники, тахикардию, дрожание конечностей. Установлено: развитие сердечно-сосудистых заболеваний, нарушения в работе нервной системы, бессонница часто связаны с длительным пребыванием в условиях АПСР. Какие-либо критические нарушения в работе организма, вызванные воздействием АПСР, не выявлены. Эпизодов, при которых воздействие АПСР привело бы к смертельному исходу, не зафиксировано.

8. При возникновении эпизода АПСР иногда ощущается стойкий запах смолы или дегтя.

9. АПСР служит источником для возникновения скоплений вещества Кайдановского.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АПСР

Причины явления остаются предметом дискуссии. Теория о массовой галлюцинации опровергнута. Волновая природа не доказана. Версии об электромагнитном либо радиоактивном излучении не подтвердились. Подлинная природа явления, несмотря на длительное изучение, до сих пор не выяснена.

Большинство исследований показывают связь АПСР с Объектом-1 как с непосредственным источником явления, но природа этого взаимодействия не установлена.

СВЯЗЬ АПСР С ОБЪЕКТОМ-1

ОБЪЕКТ-1 – кодовое обозначение объекта, предположительно являющегося источником АПСР. Объект-1 расположен под железобетонным укрытием. Доступ внутрь возможен исключительно в составе экспедиционной группы, оборудованной средствами индивидуальной защиты. Подробное описание Объекта-1 и Объекта-1Б см. в приложении 2 (СТРОГО СЕКРЕТНО! ИНФОРМАЦИЯ ДОСТУПНА ТОЛЬКО ДЛЯ РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА ИНСТИТУТА).

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АПСР НА ТЕРРИТОРИИ ЗАТО «ПОКРОВ-17»

5 апреля 1981 года в 11:23 впервые зафиксирован эпизод АПСР. Явление вызвало сильную панику среди жителей города Недельное Малоярославецкого района Калужской области и близлежащих деревень Светлое, Железное, Колодец. По решению Калужского облисполкома во избежание дальнейшей паники днем 5 апреля в городе отключена телефонная связь, радио- и телевидение, введены части Внутренних войск МВД СССР. На въездах в город установлен особый пропускной режим. Сформирована правительственная комиссия для установления причин ЧП.

6 апреля в 7:45 эпизод АПСР повторился. Паника в городе усилилась. Правительственная комиссия прибыла на место.

8 апреля в 15:20 эпизод АПСР повторился. Комиссии удалось установить границы распространения АПСР. Любопытно, что сторонние наблюдатели за пределами закрытой зоны не замечали потемнения или каких-либо других аномальных явлений.

10 апреля по распоряжению Калужского облисполкома жители города Недельное и близлежащих деревень эвакуированы. Вокруг зоны АПСР введен особый охранный режим. В город направлена исследовательская группа для

подробного изучения феномена. Эпизоды АПСР возникали регулярно с периодичностью в два-три дня.

С мая по июнь 1981 года вокруг территории установлены защитные ограждения.

13 июня 1981 года членам исследовательской группы удалось установить, что наиболее интенсивное проявление признаков АПСР наблюдается вблизи Объекта-1.

20 июня 1981 года в здании администрации города Недельное организован Научно-исследовательский институт аномальных световых явлений.

16 июля 1981 года указом Верховного Совета СССР город Недельное переименован в Покров-17 и вместе с прилегающей территорией и близлежащими населенными пунктами Светлое, Железное, Колодец определен как закрытое административно-территориальное образование «Покров-17» с особым режимом охраны. Администрация города Недельное ликвидирована, функции управления возложены на руководство НИИ аномальных световых явлений.

Зав. архивом НИИ аномальных световых явлений

Старший научный сотрудник

ГОНЧАРОВ И. И.

25.07.1988

Глава вторая

Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»

21 декабря 1941 года, деревня Пожарки

Бойцы взвода лейтенанта Старцева ввалились в хату, взмокшие, краснолицые, стаскивая на ходу винтовки с плеч. Внутри было так же холодно, как и снаружи, но хотя бы не было ветра и мокрого снега, впивающегося в лицо.

- Эх, ну и прогулочка!

- Всего-то ничего прошли, тю!

- Что ж хату не натопил-то никто, холодина задрала уже!

- А ты что разнылся, костерок сейчас сварганим да и погреемся...

- Жратву-то когда давать будут?

Красноармеец Селиванов зашел в хату последним, пропустив сержанта Громова, и ему впервые за последние три часа стало повеселее - хоть какой-то отдых после долгого перехода по бездорожью.

- Будет жратва, - сказал сержант, которого Селиванов пропустил вперед. - Оружие в пирамиду сложите, сколько раз говорил не разбрасывать. И дров надо набрать...

Бойцы сложили винтовки в пирамиду, расселись, расстегнули ватники и шинели, запыхтели, точно выдыхая скопившуюся усталость.

Селиванов присел у подоконника, расстегнул воротник и почувствовал рукой, как размазались по коже комочки грязи.

- Помыться бы... - сказал он, глядя перед собой.

Рядовой Пантелеев, низкорослый, с плоским лицом и живыми глазами, расселся на досках рядом с Селивановым, распахнув полы шинели, развязал сидор, достал кусок хлеба.

- Это да, баньку бы натопить, - сказал он и оторвал зубами мокрый от холода мякиш.

– Насчет помыться – это уж не сейчас, ребят, – сказал сержант Громов. – Не забывайте, немца наши только утром сегодня отсюда выбили. В жаркое местечко пришли. В Недельном будет еще жарче.

Этим утром передовые подразделения 238-й стрелковой дивизии заняли деревню Пожарки, от которой оставалось всего пять километров до Недельного. К деревне медленно стягивались остальные части, но многие застредали в снегу и задерживались по дороге. Стрелковому батальону 837-го полка повезло – удалось добраться почти к трем часам дня. Отдохнуть, по всей видимости, предстояло недолго.

Селиванов достал из вещмешка потертый блокнот с огрызком карандаша, посплюнявил, сложил на коленке, начал что-то записывать.

– Эй, Селиванов, – крикнул из другого угла хаты круглолицый и краснощекий Денисенко. – Опять поэму писать уселся? Почитай нам!

– Не поэму, – улыбнулся Селиванов. – Просто записки. Что тут читать, сами все знаете, что было, то и записываю.

До войны Селиванов работал корреспондентом в ленинградской газете. Иногда писал стихи. Однажды послал свои юношеские рифмы Луговскому и очень гордился коротким отзывом: «Юноша, вы молодец. Больше читайте».

Когда в июле пришла повестка, ему было двадцать лет.

Сержант Громов оправил под ремнем шинель, которая была ему велика, осмотрел хату, снял шапку-ушанку, пригладил рукой вспотевшие волосы и вдруг нахмурился.

– Так, ребята, а куда Игнатюк делся? Всех вижу, его не вижу.

– По бабам пошел! – крикнул Пантелеев, дожевывая кусок хлеба.

По хате прошлись смешки.

– Ну тебя... – сказал Громов. – Какие бабы тут, что несешь?

– А Игнатюк даже в лесу в три часа ночи бабу себе найдет, – сказал Денисенко.

Бойцы захохотали.

– Тьфу, – Громов сплюнул и натянул на голову ушанку. – Игнатюка найти надо, если опять не явится на построение, с меня лейтенант три шкуры сдерет, сами знаете.

– А вот и он! – крикнул кто-то.

Все обернулись в сторону дверей. У прохода стоял Игнатюк – запыхавшийся, с улыбкой на красном лице. Он был не один. Рядом с ним стоял, радостно размахивая хвостом, всклокоченный рыжий пес.

– Друга вам привел, – как бы извиняясь, сказал Игнатюк. – Уцепился за мной, как хвост, я ему – иди давай отсюда, а он ни в какую. И смотрит глазищами своими, ну как тут удержаться? Покормим хоть?

Пес вбежал в хату, обнюхал Громова, потом Селиванова, потом Пантелеева, затем сел посреди хаты и тряхнул мордой.

– Ты какой хороший! – красноармеец Максимов соскочил с печи, наклонился к собаке, почесал за ухом.

– Что, Игнатюк, нашел себе бабу? – ехидно протянул Пантелеев.

– Да ты совсем с глузду съехал? – обиделся Игнатюк. – И вообще, это кобель. Вон, болтается у него...

– Пантелеев, твои шуточки уже слишком, – строго сказал Громов. – Игнатюк, у тебя своего пайка не было, чтоб собаку накормить? Ладно, ладно... Хороший барбос.

Наклонился, погладил по голове – пес доверчиво заскулил и снова мотнул ушами – улыбнулся, спросил ласково:

– Что ж с хозяевами-то твоими...

Пес снова заскулил и улегся на доски.

Пантелеев вытащил из сидора замотанный в бумагу кусок сала, отрезал финкой кусок, подозвал свистом пса, и тот, вскочив с досок, засеменил к нему лапами.

Съел прямо с руки, проглотил, пристально посмотрел в глаза Пантелееву, ожидая следующего куска.

– Теперь барбос твой друг, – засмеялся Игнатюк. – Вот сам и корми.

Селиванов смотрел на собаку и улыбался. Он любил собак. В Ленинграде у его семьи был пес по имени Альберт. Почему «был»? И сейчас есть...

«Но далеко», – подумал Селиванов, вздохнул, почухал пса за ухом, снова улыбнулся.

Кухня приехала только спустя час. А после обеда, ближе к закату, уже улегся ветер, и бойцы развели во дворе костер. Стали греться, снимать рукавицы, держать ладони у огня, почти не чувствуя раскаленного пламени. Позвали к костру ребят из второго отделения – у тех отсырели дрова.

Воздух становился густым и темным, еловый лес на окраине скрылся в сумерках, и голубоватый непритоптанный снег скрипел под солдатскими валенками.

С ними у костра сидел и пес – поближе к огню, сытый, довольный.

На костер пришел и комзвода лейтенант Старцев, высокий, смуглый, в плотном белом полушубке. Подошел к остальным, присел на корточки, протянул руки к языкам пламени.

– А третье отделение где? – спросил он у Громова.

– А вон, – тот показал пальцем в сторону крайней хаты. – Дровишек натащили, сейчас тоже обогреются.

– Хорошо... – сказал Старцев. – Ночь, бойцы, может оказаться тяжелой. Тут теперь командный пункт дивизии. Вон там, самая большая изба, видите? Там сейчас полковник Коротков и комиссар дивизии Груданов. Всем командирам и политработникам приказано явиться вечером. Может, уже сразу ночью на Недельное пойдём.

– Прямо ночью? – спросил Пантелеев, растирая снегом обожженные костром руки.

– Полковник хочет внезапности. Там же фрицы еще ни в чем не разобрались, технику отводят на Калугу, хороший шанс, говорят. Я еще толком не знаю ничего. У Короткова пойдем. Но вы на всякий случай отдыхайте, набирайтесь сил.

– Так точно, товарищ лейтенант, – сказал Громов.

Сумерки легли на деревню, искры от костра уходили в беззвездное черное небо, и Селиванов, грея руки у костра, думал – может, эти искры и станут звездами, ведь не может же быть такого, чтобы в небе совсем не было звезд. Он больше не хотел ни о чем думать. Ни о том, что его, красноармейца Василия Селиванова 1921 года рождения, может быть, этой ночью убьют, ведь если думать об этом каждый раз перед боем, можно рехнуться. Ни о том, что далеко-далеко, в Ленинграде, сейчас злая, голодная зима, и как там его мама с папой, и как там его Альберт.

Подумав о Ленинграде, Селиванов крепко сжал зубы и нахмурился.

– Такая наша работа... – вздохнул сидящий рядом Пантелеев, точно услышав его мысли, и в этот раз он решил обойтись без шуток. – Что приуныл, Вась?

– Да мои в Ленинграде, – сказал Селиванов.

Пантелеев похлопал его по плечу.

– Не ссы, братух. Хорошо все будет. Привезем еще в Ленинград Гитлера в клетке, а за ним поливальные машины пустим, чтобы улицу отмывать.

Селиванов улыбнулся.

- Так и сделаем, - сказал он.

Пантелеев подмигнул, поправил на голове ушанку и протянул руки к костру.

По всей деревне горели маленькие костры, у которых сгрудились бойцы, и был вечер, и было темно и морозно, а возле самой большой избы, где окна завесили плащ-палатками, стояла штабная «эмка», на которой прибыл полковник Коротков.

В штабе дивизии обсуждали дальнейшее наступление на Недельное. Это село в пяти километрах от Пожарок нужно было взять обязательно - немцы превратили его в крупную базу снабжения, и здесь же работали службы тыла 13-го армейского корпуса. Овладев Недельным, дивизия сможет перехватить дорогу на Калугу.

Селиванов думал об этом и о том, что говорил лейтенант, и ему было совсем не страшно.

Отец, прошедший империалистическую войну, рассказывал, что у каждого человека на фронте однажды наступает момент истины, после которого не страшна смерть. Это момент, когда солдат вступает в прямую схватку со смертью и видит ее лицо. Но он не рассказал, когда именно это происходит. Может быть, в первом бою, когда над тобой впервые в жизни свистят пули? Селиванов не успел об этом спросить.

В черное и беззвездное небо уходили бесследно искры от солдатских костров.

Местных в селе не было.

* * *

21 сентября 1993 года

Закрытое административно-территориальное образование «Покров-17»,
Калужская область

Не было ничего. Абсолютная темнота. Даже нет, не так – это не просто отсутствие света, это полное отсутствие всего.

Сколько это продолжалось? Пять минут? Десять? Пятнадцать?

Мысли в голове тянулись как резина, казалось, будто я даже не чувствую собственного сознания, будто не чувствую себя самого.

Но в темной пелене вновь появились мои пальцы, кисти рук, вокруг смутными кляксами стали проступать серые проблески неба, и вот появилось лицо Капитана, широко раскрывшего глаза и тоже глядящего по сторонам.

Вокруг возвращались звуки – гул мотора, тиканье часов, скрипящие радиопомехи в динамике.

Посветлело небо.

Капитан облегченно выдохнул и посмотрел на часы.

– Прошло пятнадцать минут. Казалось, что меньше, да? Вот и Черный Покров. Как вам?

У меня тряслись пальцы.

Капитан выглядел серьезнее, чем пятнадцать минут назад, он перестал хитро щуриться и улыбаться уголками губ. Теперь он нервно барабанил пальцами по рулю и беспокойно поглядывал по сторонам.

Потом он надавил на педаль газа, вырулил с обочины.

Мы медленно поехали по дороге. Я молчал. Капитан тоже.

Я вспомнил слова Старика по радио: «в самом прямом смысле во тьме». Так вот о чем он...

– Этот институт, – сказал я после долгого молчания. – Вы говорили, что мне там помогут. Там хотя бы знают, что вообще случилось и почему я тут оказался?

– Знают. Это я ничего не знаю. А они все знают.

Капитан снова легко улыбнулся.

Вдруг вытаращил глаза, резко вдавил тормоз, вывернул руль в сторону обочины.

Прямо перед нами дорогу перебежали маленькие человечки. Я вспомнил, что видел похожих в доме Корня. Их было пять – разных размеров, разного вида, и все они гнались через дорогу со всех сил, быстро семеня ножками. Один, самый крупный, бежал впереди всех, придерживая руками свое необъятное пузо.

Другой – с огромным красным клювом вместо носа и с рыхлыми мешками под глазами. Третий – с обвисшей грудью и впалым животом, а на руках его вместо кистей торчали копыта. Еще один одноглазый, с жиденькой бородкой и заячьими ушами, и еще один, самый маленький, около полуметра ростом, был вовсе похож скорее на шустрю безволосую обезьянку с головой коня.

Когда машина затормозила, они испуганно взвизгнули и отпрянули в сторону. Один из них, тот, что с бородкой, от неожиданности упал на спину и замахал руками, не в силах подняться; его быстро подняли другие и погнали пинками дальше.

– Тррр-тррр-тррр! – закричал отвратительным голосом тот, что держал в руке пузо.

Другой, с клювом, повернулся к нам задом, наклонился и громко испортил воздух.

Капитан стиснул зубы от отвращения.

Я смотрел, широко раскрыв глаза.

Капитан раздраженно надавил рукой на клаксон; человечки тут же испуганно рванули дальше в поле, трусливо оглядываясь.

Капитан выругался и поехал дальше.

– Это... Это что было? – спросил я, продолжая смотреть вслед убегающим человечкам.

Один из уродцев подпрыгнул на месте, найдя что-то в траве, и позвал остальных.

– Это ширлики, – сказал Капитан. – Их так называют. Тут был один художник... Хороший художник. Он увидел их и так прозвал. И прижилось. Ну а как еще называть? Вы их не бойтесь, они обычно первыми не нападают. Но держитесь подальше. Укусят – мало не покажется.

Я обернулся и увидел, что один из них достал из травы кусок чего-то черного, похожего издали на уголь.

– Что, смотреть на них интересно? – слегка раздраженно спросил Капитан. – Ну да, вы новенький, вам все интересно, а я бы век их не видел. Отвратительные тупые карлики. Животные. Бегают по лесам, по полям, на дороги выбегают, иногда заходят в деревни, воруют тушенку и колбасу. Хорошо, что они в город редко заходят. Но заходят.

– Я видел одного такого, – сказал я, вновь повернувшись вперед, потому что ширликов было уже не разглядеть. – А что они ищут в поле?

– Вещество Кайдановского. Его называют так ученые. По фамилии человека, который первым описал его свойства. А местные называют его угольком. Черный Покров каждый раз оставляет на земле вот эти маленькие угольки. Следы черноты. Они выпадают, как снег или дождь. Сделаны из непонятного легкого пористого минерала, как пемза или что-то вроде того. И ширлики их едят. Просто обожают их жрать. Бывает, иногда давятся и умирают. А еще этими угольками тут ширяются наркоманы. Топят на костре – они быстро плавятся – и колют в вену. Идиоты. И повторю: не злите ширликов и не позволяйте себя укусить.

Он посмотрел на меня и виновато улыбнулся, видимо заметив выражение моего лица.

– Простите уж. Слишком много новой информации на вас навалилось. Понимаю, – сказал он.

Мы продолжили ехать молча. Небо затянулось серыми облаками, воздух ощущался сырым и прохладным. Ровно гудел мотор, машину трясло на разбитой дороге, я смотрел в окно и время от времени замечал на полях небольшие группы ширликов, ковыряющихся в траве; иногда они дрались за найденные угольки.

Я вспомнил, как выезжал вчера из Калуги: тогда я думал, что смогу вернуться в гостиницу уже ночью, а потом в Москву. Да, в Москву.

– Слушайте, – медленно проговорил я, не отрывая взгляд от окна. – Я не хотел здесь оказаться.

Капитан скорчил ехидную мину, пожал плечами:

– Я тоже.

– Невозможно, чтобы отсюда нельзя было выбраться, – продолжал я. – Должен же быть какой-то способ! Это же не тюрьма!

В самом деле, что за бред, это же не тюрьма, не остров и не ад.

– Это хуже тюрьмы, Андрей Васильевич. Из тюрьмы можно выбраться, когда подходит твой срок. Здесь срока нет.

– А вы как тут оказались? Вы же тоже не всегда здесь были?

– Так же, как и вы. Почти, – уклончиво ответил Капитан. – Милейший, я понимаю, вы не можете поверить, что вы теперь здесь навсегда. Я тоже не мог поверить. Думаете, мне здесь весело?

Он замолчал. Дорога уходила в сосновый лес.

– А знаете, – продолжил Капитан. – Вы совсем раскисли. Хотите, историю расскажу? Про грибы. Хотя нет, это уже скучно. А может, про оккультные практики иезуитов? Недавно мне удалось пообщаться с египетским богом Анубисом. Очень интеллигентно побеседовали. Думаете, опять шучу? Нет. Чистая правда...

Я молча покачал головой.

Капитан снова пожал плечами и замолчал.

Когда кончился лес, мы проехали железнодорожный переход, и я наконец увидел город.

* * *

Город утопал в зелени, в разросшихся по тротуарам кустах, в деревьях, пробивших корнями бетонные плиты, в высокой траве на детских площадках и автобусных остановках, будто все эти пятиэтажные панельки, ларьки, телефонные будки в один момент выросли посреди леса. Трава прорастала через разбитый асфальт дороги, зеленела на обшарпанных балконах и крышах домов.

Было очень странно видеть здесь людей. Пока мы ехали, я заметил троих. Бабка в грязном платке и коричневом пальто сидела на скамейке у дома, опершись подбородком о палку; какой-то маргинального вида мужчина в потертой куртке шарил в траве на газоне, будто что-то искал; и еще один мужчина, толстый, в майке и потасканных трениках, я заметил его в открытом окне хрущевки на третьем этаже, смотрел на мою машину с испугом и удивлением.

Люди здесь выглядели чужеродными элементами, будто не должно быть их тут, будто вместо них тут должны жить чудовища.

Мы медленно ехали по улице, и машину трясло, а мимо проносились одни и те же однообразные дома, облупившиеся бело-серые фасады, окна с темнотой за тусклыми стеклами, заваленные мусором парадные с заколоченными дверями, ржавеющие остовы брошенных автомобилей, пустые витрины магазинов.

И вывески на первых этажах – парикмахерская, булочная, книги, столовая.

Проехав немного по главному широкому проспекту, Капитан вдруг свернул налево.

– Как-то резко свернули, – заметил я.

– На этом отрезке проспекта иногда устраивают засады боевики «Прорыва», – ответил он и обеспокоенно осмотрелся. – Сюда даже милиция не суется.

– Вы же говорили, что Старик хороший человек.

– Старик хороший. И умный. А пуля – дура. Люди здесь нервные. Сначала стреляют, потом здороваются.

– Как давно отсюда ушли люди? – спросил я.

– В восемьдесят первом, – ответил Капитан, глядя на дорогу перед собой. – Когда впервые появился Черный Покров. Люди подумали, что на СССР напали американцы, другие решили, что это наши испытывают какое-то новое оружие. Все случилось быстро. Пришли солдаты, вывезли всех, оцепили территорию, поставили блокпосты. Все делалось в спешке, вывезли не всех, остались деревенские, остались мародеры, бандиты, одним словом – неблагонадежные элементы, которым этот беспорядок был на руку. Потом тут стали работать ученые под защитой армии. Стало ясно, что Черный Покров приходит от того, что сейчас зовут Объектом. Над ним построили защитное укрытие, а здание администрации переоборудовали под институт, чтобы изучать всю эту непонятную чертовщину. Сюда свезли ученых, всяких академиков, испытателей, навезли им оборудования, стали работать и изучать. Ученые тоже были не в восторге, что их сюда поселили. Но смирились и живут. Тут все смирились и живут. Человек привыкает ко всему. Как писал Карлос Кастанеда...

– И что выяснили? Что происходит?

– Понятия не имею. Но что-то очень важное. Как видите, эту территорию охраняют получше, чем атомные городки.

Я вздохнул.

– Верьте мне и держитесь рядом, – сказал Капитан. – Я ваш Вергилий в этом аду.

Итак, посреди города есть некий Объект. От него по неизвестной причине приходит чернота, которая накрывает все в радиусе сотни километров. Это место уже тринадцать лет изучают ученые и до сих пор не понимают, почему это происходит. В городе и в окрестных деревнях по-прежнему живут люди. Тут есть те, кто охраняет порядок, а еще эти, которые жрут вещество Кайдановского, или угольки... Ширлики, да.

Мы выехали к перекрестку.

Взревев мотором, из-за угла резко вырулил наперерез милицейский ЗИЛ с глухим кузовом и решетчатыми окнами, с визгом затормозил, встал посреди дороги.

Капитан вдавил тормоз. Меня качнуло вперед.

И только я успел подумать, что здесь что-то не так, как справа и слева из-за перекрестка выбежали люди в черных масках, в касках, бронежилетах и с автоматами Калашникова. Их было пятеро или шестеро – я не успел подсчитать, – а из открывшейся двери грузовика выскочили еще четверо, тоже в масках и с автоматами.

– Твою мать... – успел выругаться Капитан.

Окружили, наставили на машину автоматы, по двое подбежали к дверям, заорали наперебой, глухими голосами, с командной хрипотцой:

– Двери открой! Выходи из машины! Вышел, давай!

Я застыл на месте и не мог выговорить ни слова.

Капитан открыл дверь, осторожно вышел с поднятыми руками. Двое в бронежилетах, наставляя на него стволы автоматов, указали на асфальт:

– Ложись, руки за голову! Ложись, говорю! Быстро!

Капитан послушно улегся на дорогу. От ужаса я совершенно не понимал, что делать. Наверное, надо делать то же, что и Капитан, подумал я и начал отстегивать ремень.

– Что сидишь, быстро из машины, кому сказал, быстро, давай, пошел! – раздалось над самым ухом.

Я посмотрел в окно. На меня смотрело дуло автомата.

– Да-да...

Я не слышал даже самого себя.

Одеревеневшими от ужаса пальцами я открыл дверцу, вышел из машины, подняв руки.

– На землю, быстро, руки на голову положил!

Перед глазами все сливалось в туман – и вороненые стволы автоматов, и глаза в прорезях масок, и серо-голубой пятнистый камуфляж, бронежилеты, грузовик, и подъехавший к нам сзади милицейский уазик.

– На землю, кому сказал!

Я лег, положил руки на затылок. Очки перекошились на носу, и теперь я видел перед собой только асфальт и ноги в начищенных берцах.

Кто-то уселся сверху, схватил руки, завел их за спину, и на запястьях щелкнули наручники.

– Ребята, – раздался со стороны голос Капитана. – Вы же знаете меня, я...

– Пасть закрой, – сказал один из людей в камуфляже, его голос звучал тише, чем у остальных. – Ты меня достал уже, понимаешь? Ты, твоя ворованная форма,

патлы твои и твои вечные непонятные друзья.

- Слушайте, нам надо в инсти...

- Пасть закрой. Ты! - он приблизился ко мне. - Ты убил сотрудника милиции.

У меня перехватило дыхание. Да, черт, да, тот самый мертвец в машине.

- Я все расскажу, - сдавленно пробормотал я.

- В машину его, - рявкнул голос. - Расскажешь, конечно, и про убийство, и про хату блатных, и что ты делаешь с уродами из «Прорыва».

- Да какой еще «Прорыв»... - сбивчиво заговорил я, когда чьи-то руки уже поднимали меня с асфальта.

- Он не имеет никакого отношения... - сказал Капитан.

- Я не с тобой разговариваю! - взревел голос. - Пусть не придуривается! А ты за свои шутки еще получишь. Его в другую машину!

Меня подтащили к открывшейся двери грузовика, один из людей в бронжилетах запрыгнул передо мной, подхватил меня за подмышки, сзади подтолкнули.

Усадили на скамью. Напротив уселись трое в масках и с автоматами. Дверь с лязгом захлопнулась.

* * *

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОЗДЕЙСТВИЯ

НА ЧЕЛОВЕКА АБСОЛЮТНОГО ПОГЛОЩЕНИЯ

СВЕТОВОГО ПОТОКА

Научно-исследовательский институт аномальных световых явлений ЗАТО
«Покров-17»

РАСШИФРОВКА ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ № 97

Респондент: ПАНКРАТОВ АФАНАСИЙ МИХАЙЛОВИЧ, род.

12.09.1923, проживает в дер. Светлое, ЗАТО «Покров-17»

ВОПРОС: Афанасий Михайлович, почему вы не уехали в восемьдесят первом?

ОТВЕТ: А куда уехать-то? Я тут всю жизнь прожил и тут помру, мои тут все похоронены, я отсюда на войну ушел, сюда и вернулся... Сами потом отстраивали все, вот этими руками, а эти приходят и говорят: уехать надо. Куда уехать? Зачем? От черноты этой? Я ту черноту и так каждую ночь вижу, ты чего, родной?

ВОПРОС: Но это все-таки другая чернота.

ОТВЕТ: А и что? Не страшно, не болит ничего, темно и темно, что тут бояться?

ВОПРОС: Вы помните, когда это впервые произошло?

ОТВЕТ: Помню, помню, ага, в восемьдесят первом тогда и случилось. Мы с бабкой покойной утром на крыльцо вышли белье снять – тут и началось. Бабку чуть кондратий не хватил, упокой ее душу, начинает темнеть, а она охает: «Афоня, помираю!» Дура была, эх. А я что, я подумал, что, наверное, война началась... Бабку тогда еще за руку держал крепко-крепко, как сейчас помню, и она в мою руку вцепилась, не отпускала... Так и стояли. Не видно ни черта и не слышно было, жуть! Как ведро на голову надели. А как прошло, вся деревня собралась, все, конечно, перепуганы, никто ничего не понимает, а потом еще и телевизор выключился... Ну, думаем, все, и правда война.

ВОПРОС: А как сейчас? Привыкли? Как справляетесь во время эпизодов?

ОТВЕТ: Человек к любой дряни привыкает, так-то. Обвык, конечно, столько лет-то прошло! Как сирены воют, я сразу присяду куда могу – если в зале, то на диван, если во дворе, то на крыльцо или скамейку, ну или на землю, сяду и жду. Сердце иногда побаливает, но это не от черноты, а от старости уже...

ВОПРОС: А вас не донимают ширлики?

ОТВЕТ: Жаль, ружье давно продал! Перестрелял бы их всех к хренам, уроды доставучие! То колбасу стащат, то хлеб, то придут после черноты, угольков нажрут и давай валяться по траве, хихикают, безобразничают, пердят что твой трактор... Я их метлой гоняю-гоняю, толку никакого, они же просто не понимают человеческого языка! Я, слышь, как чернота пройдет, лопатой из двора угольки выкидываю – и на дорогу. Чтоб хотя бы во двор не лезли. Так все равно лезут! Что с ними делать? Дустом травить? Еще и выглядят так, то ли плакать, то ли смеяться. Гады, одно слово гады.

ВОПРОС: Хорошо. Как с едой? Нормально снабжают?

ОТВЕТ: На что не жалуясь, на то не жалуясь. Регулярно, как в аптеке. Проезжают фуры, всей деревней собираемся, солдатики нам все отгружают, и гречку, и риса, и картошки, и хлеба, и колбасы, иногда мясо мороженое, консервы... С одеждой беда, конечно, одежду реже привозят, поэтому изловчился на старости лет иголкой орудовать. Вы передайте им, пусть хотя бы форму старую военную привезут, зимой иногда ходить не в чем.

ВОПРОС: На этот вопрос, сразу скажу, можете не отвечать. Вы видели тех, кого называют мертвыми святыми?

ОТВЕТ: За все это время два раза. Оба раза тут вот, по дороге шли. Окна завесил, сидел тише воды... Жуткие они. Да сами знаете. Откуда они вообще?

ВОПРОС: Не могу вам ответить. Последний вопрос будет, пожалуй, очень личным. Чего вы здесь больше всего боитесь?

ОТВЕТ (после долгой паузы): Боюсь, что меня некому будет хоронить.

Беседовал

старший научный сотрудник отдела исследований

д-р СТЕПАНОВ В. С.

9 октября 1989 г.

* * *

– Зачем вы убили майора Денисова?

Полутемный кабинет с заколоченными фанерой окнами тускло освещался лампочкой без плафона. За столом напротив меня сидел грузный широкоплечий полковник с редкими седыми волосами, хмурым лицом и одутловатыми щеками. Глаза у него были голубые, мелкие, внимательные, а еще он постоянно слегка выпячивал нижнюю губу, будто все время обижался или сомневался.

За его спиной висел портрет Дзержинского, а рядом на канцелярских кнопках – глянцевый календарь за 1990 год с рыжеволосой голой женщиной.

Наручники так и не сняли. Сидеть так на стуле оказалось неудобно. Сзади стоял человек в маске и в камуфляже. От него можно было ожидать чего угодно.

– Не помню, – сказал я.

Полковник поднял брови, взглянул поверх меня, еле заметно кивнул головой.

– Серега, давай, – сказал он.

Сзади раздался быстрый шуршащий звук, и на мою голову опустился полиэтиленовый пакет. Сильные руки замотали пакет на шее, откинули назад голову.

Я начал инстинктивно вдыхать воздух, но воздуха не было, пакет прилипал к губам, в глазах темнело. Сердце с силой забилося, руки напряглись, перехватило

дыхание. Я начал дергаться, пытаюсь вырваться, но не мог. Спуталось сознание.

Я захрипел, затопал ногами.

Пакет сняли.

Я сипло дышал, жадно глотая ртом воздух. Очки опять съехали на нос.

– Я... Я действительно не помню, – заговорил я, как только удалось отдышаться. – Слушайте, я все расскажу, все, что знаю, правда, я не...

Полковник смотрел на меня, не отводя глаз, кривил губы и хмурился.

– Зачем вы убили майора Денисова? – повторил он.

– Это правда, абсолютная... – я закашлялся. – Я очнулся в своей машине. Но я не спал, я будто потерял память или что-то вроде того. Я помню, как выезжал из Калуги, как проехал Малоярославец, а дальше как будто все отшибло. И я прихожу в себя в машине на обочине, а рядом на сиденье труп. С ножом в груди.

– То есть вы утверждаете, что не помните?

– Да, да! Не спорю, возможно, это был я. Я никогда никого не убивал, я... Черт.

Я снова закашлялся.

– Может быть, это был я, может, не я. Я не знаю, потому что не помню.

Полковник вздохнул.

– На рукояти ножа ваши отпечатки. Рядом с телом следы от ваших шин. Это были вы. Зачем?

Мне захотелось заорать от бессилия.

– Не знаю! – я попытался закричать, но голос получился хриплым и сдавленным. – Действительно не знаю. Я говорю правду, ну как вам доказать?

Полковник хлопнул ладонью по столу.

– Ладно, – сказал он. – Какое отношение имеете к группировке «Прорыв»?

– Я не имею никакого отношения к «Прорыву».

– Может, еще раз пакет?

– Нет, нет... Я действительно ничего не знаю, слушайте, я здесь всего каких-то пять часов, а уже...

– А уже убили сотрудника милиции, связались с бандитами, оба из них мертвы, подружился с нашим общим знакомым... Вы хоть знаете, кто он?

Я покачал головой.

– Неважно, – продолжил полковник. – Он знает, кто вы, мы тоже знаем. Зачем вы сюда приехали?

– Я не хотел сюда приезжать. Я же не дурак прорываться через эти кордоны.

– Получается, что дурак.

– Я всего лишь писатель.

– Товарищ полковник, – заговорил вдруг сзади меня мужик в камуфляже, которого назвали Серегой. – Если бы он был из «Прорыва», я бы его точно запомнил.

Я грустно усмехнулся. Опять все то же самое.

– У вас тут все друг друга знают? – спросил я, не понимая, откуда в такой ситуации во мне появились силы шутить.

– Хватит! – полковник опять хлопнул ладонью по столу. – Вы убили майора Денисова. Я бы пристрелил вас прямо тут, но вы ответите, как того требует порядок.

Я осмотрел кабинет, взглянул на того, кто стоял за мной – на здорового мужика Серегу, который только что душил меня пакетом – и снова на полковника.

– Что-то я не заметил, чтобы у вас тут был порядок, – сказал я.

Полковник нахмурился, наклонил голову, взглянул пристально в глаза, недобро ухмыльнулся и ответил:

– Там, где я – там порядок. Наш порядок. Да, это не закон, закона здесь уже нет, но это порядок. Это единственный способ выжить. Наша страна рухнула. Про нас все забыли. Здесь уже начинается полный бардак. То бандиты, то эти уроды из «Прорыва», которые хотят выпустить всех отсюда... Вы понимаете, что будет, если отсюда всех выпустить? Вы видели, что здесь происходит?

– Я уже говорил, что я здесь всего пять часов. Я мало видел.

– Повезло. Отведите его в подвал.

Серега резко поднял меня под локти, повел к выходу из кабинета.

Опять стало страшно. Что будут делать? Бить? Пытать?

Полковник, будто услышав мысли, кашлянул и сиплым голосом сказал вдогонку:

– Будете сидеть там, сколько надо, пока не вспомните.

Меня вытолкали из кабинета, вывели в коридор с облупившимися зелеными стенами, довели до лестничной площадки и подтолкнули вниз. Я шагнул на ступеньку и едва не оступился, но рука крепко держала за локоть.

Внизу оказался тесный коридор, освещенный двумя болтающимися лампочками, и несколько камер с металлическими дверями и узкими решетками.

Сергея открыл первую камеру, снял наручники, толкнул меня внутрь и захлопнул дверь. Щелкнул ключ.

В маленькой камере было темно, и ее освещала только слабая желтоватая полоска через решетчатое окно в коридор. Я разглядел узкие нары, грязный унитаз, вмонтированный в кафельный пол, и облезлую фановую трубу.

Размял затекшие в наручниках кисти, протер очки рукавом пиджака и уселся на нары.

Дожили, подумал я. Дожили. Охренеть. Просто охренеть.

В пятьдесят с лишним лет оказаться в настоящей камере с настоящей парашей и сидеть на настоящих нарах. Писать книги, издаваться, получать премии, публиковаться в журналах, стать одним из лучших журналистов Москвы – чтобы оказаться здесь, в богом забытом месте, в закрытом городе, где происходит какая-то чудовищная взбалмошная дребедень, а адекватных людей, кажется, нет вообще.

– Говнище, – сказал я вслух.

Что это за проклятое место, почему здесь все не так, как снаружи, что за чернота, что за ширлики, и – да, я не хотел об этом думать, очень не хотел – все-таки что случилось ночью в машине?

Майор Денисов, значит. Майор Денисов.

Быть может, попытаться вспомнить эту ночь – единственное, что сейчас возможно сделать.

Но нет – только дорога от Малоярославца, а потом в памяти пустота, чернота, ничего, как Черный Покров, приходящий на эту землю.

Я не помню ничего. Решительно ничего. Абсолютно.

Я ни разу в жизни не оказывался в камере. На меня никогда не наставляли оружие. Ни разу не защелкивали наручники на запястьях. Приличный человек, интеллигентная семья, книги, журналистика, выступления.

Что пошло не так, черт, что?

Кто такой майор Денисов? Как он оказался в моей машине с ножом в груди? Неужели я убил его?

Я забрался с ногами на нары, но лежать оказалось слишком холодно, пришлось расстелить пиджак и улечься на него.

Вспомнил, что в кармане есть сигареты. Достал, прикурил, выдохнул дым в темный потолок.

Так я лежал, глядя вверх. Когда показалось, что я в этой камере уже целый час, взглянул на часы и увидел, что прошло только 35 минут.

Я злобно выругался, отвернулся к стене в позе эмбриона, прикрыл глаза. Разумеется, заснуть оказалось невозможно.

Вдруг из-за стенки слева раздался голос. Скорее, неразборчивый протяжный хрип, будто кто-то с трудом пытался собрать звуки в слова, и это получалось не сразу.

Я вскочил с нар и настороженно прислушался. Хрип повторился уже более отчетливо.

- Слушай... - прохрипел некто за стенкой.

- Да? - спросил я.

Голос незнакомца снова сорвался в бессловесное мычание. Кажется, ему было больно.

- Слушай... - повторил он.

Мне стало почти физически больно от этого глубокого скрипучего голоса.

- У тебя, это... - и человек глубоко, мокро, с бульканьем закашлялся.

Я терпеливо ждал, пока он прокашляется.

Наверное, я слишком добрый.

Прокашлявшись, человек продолжил - на этот раз быстро, будто на одном выдохе:

- Слушай, у тебя, это, уголек есть?

И снова закашлялся.

- Нет, - ответил я.

Человек снова захрипел, пробормотал что-то неразборчивое и замолк. Больше он не говорил.

Прошло еще полчаса, и в двери лязгнул ключ. Я вскочил с нар, напряженно вгляделся в окошко.

Дверь со скрипом открылась, на пороге стоял высокий молчаливый парень в маске и камуфляже. Это все тот же Серега? Черт их разберет в масках...

Жестом он показал выйти.

Я вышел из камеры, боязливо оглядываясь. Парень в маске снова надел на меня наручники и повел вверх. Проходя по коридору, я попытался вглядеться в окошко камеры, где, скорее всего, сидел тот хриплый, но ничего не увидел.

В том самом кабинете, где час назад меня допрашивали, на стуле перед полковником сидел Капитан. Он выглядел потрепанным, со взъерошенными волосами и кровоподтеком под глазом, но, увидев меня, тут же улыбнулся во все зубы и пожал плечами, будто извиняясь.

- Садитесь, - угрюмо сказал мне полковник.

Меня подтолкнули вперед. Я уселся рядом с Капитаном.

- Как мы и договаривались, товарищ полковник, - с улыбкой сказал Капитан.

Полковник набрал воздуха в рот, сжал губы, зло посмотрел на него. Не дожидаясь ответа, Капитан продолжил:

- Этот человек нужен институту. Вы это знаете.

- Ага, - угрюмо ответил полковник. - А еще этот человек убил одного из наших людей.

Капитан вздохнул.

- Без обид, товарищ полковник. Вы представляете здесь порядок, но не власть. Институт - власть.

Он говорил быстро, по-прежнему слегка картаво - видимо, он картавил только когда волновался.

Человек в маске и камуфляже вдруг повернулся к Капитану и спросил басовитым голосом:

- Какая же у них власть, если они носу не высовывают из своего института?

- Вам нельзя идти против института, - продолжил Капитан, не обращая внимания на человека в камуфляже и продолжая смотреть на полковника.

- Вы прекрасно знаете, - продолжил Капитан, - что только от института в конечном счете зависит, что будет со всеми нами. Институт сейчас близок к решению проблемы, как никогда. Поэтому - да, за ними сейчас последнее слово. И им нужен этот человек. Они расстроятся, если не получат его. А если расстроится институт, плохо будет не только вам, плохо будет вообще всем. Очень плохо. Очень.

Последнее слово он проговорил сквозь зубы, не переставая улыбаться. И продолжил, горячо, сбивчиво, еще сильнее картавя:

– И еще раз повторю. Я знаю, вы цените и уважаете установленный здесь порядок. Мы поступаем так. Вы освобождаете этого человека. Взамен институт будет вам благодарен. Это во-первых. Во-вторых, институт закрывает глаза, скажем так... на результат недопонимания между мной и вашими людьми, – он указал пальцем на кровоподтек под глазом. – Я знаю, у вас есть причины меня не любить, но у вас нет никакого права проявлять эту нелюбовь физически. Понимаете? Да, может быть, он убил майора Денисова. Скорее всего, убил. Но это никак не связано с «Прорывом», это во-первых. Это я знаю точно. И он совершенно не осознавал, что делает, это во-вторых. Когда он это делал – и если он это делал, – это был не он. Вам надо это понять, это важно. В конце концов, вы повидали здесь столько чертовщины, так почему вы не можете понять простую вещь: даже если это он убил майора, на этом стуле перед вами сидит не тот человек, который его убил!

Полковник молчал, надув нижнюю губу и барабанил пальцами по столу. А потом выдвинул ящик стола, вытащил пистолет Макарова, щелкнул предохранителем и наставил прямо мне в лицо.

Что, серьезно? Опять?

Я подумал, что уже даже не так и страшно, и не мог понять почему. Черное дуло смотрело прямо в лицо, а я вспоминал, сколько раз за эти несколько часов на меня уже наставляли оружие. Этот лысый парень на дороге, Блестящий, а потом тот, кто его убил, Корень, а потом эти, в масках и камуфляже...

– Воевали? – спросил полковник, целясь в мой лоб.

– Нет.

– Станный вы тогда человек. Вроде выглядите так, будто сроду оружия в руках не держали и не знаете, с какой стороны стреляет автомат.

– Это правда. Я не служил в армии по здоровью.

– А когда на вас наставляют оружие, все меняется, – продолжил полковник. – У вас глаза воевавшего человека. Неужели не страшно?

– Страшно.

– Я служил в Афгане, я могу отличить воевавшего, но вот вы... Ладно.

Он посмотрел на Капитана, продолжая наставлять ствол на меня.

– Вот вы. Вы знаете, чем отличается закон от порядка?

– Нет, – ответил Капитан, с опаской поглядывая на ствол. – Может быть, вы...

– А я скажу. Закон говорит, что я не имею права его сейчас пристрелить. Закон говорит, что я не могу этого сейчас сделать, потому что просто нельзя. Нельзя – и все. Пусть он тысячу раз убийца – нельзя. А порядок говорит, что я могу его пристрелить. Чисто технически, физически. Могу. Бам! – и нет его! И мозги по стенке! Но тот же порядок говорит, что за это я буду отвечать. Видите разницу? Закон говорит: это нельзя. Порядок говорит: это можно, но у этого будут последствия. Я знаю, что в мире нет хорошего и плохого, нет добра и зла: есть реальность, существующая здесь и сейчас, и у этой реальности калибр девять миллиметров.

– Один бездомный поэт и шахматист выразил вашу мысль проще: «делай что хочешь – таков закон», – язвительно сказал капитан.

Он раздраженно вздохнул и положил пистолет на стол.

– Ладно, – сказал он, задумавшись. – Я уважаю институт. Убирайтесь оба.

– Спасибо, товарищ полковник, спасибо, я знал, что нам удастся понять друг друга, – Капитан расплылся в белоснежной улыбке. – Родина вас не забудет.

– Машина ваша стоит там же, где мы вас взяли. Пешком уж дойдете. Вон отсюда оба. Снимите с него наручники и отдайте его сумку.

Человек в маске наклонился ко мне и взял за руки.

Я не мог поверить, что меня отпускают. Сейчас он провернет в наручниках ключ, и...

Человек в маске крепко сжал мои руки и придавил меня к стулу так, что я не мог пошевелиться. Полковник резко вскочил из-за стола, в его руке блеснуло что-то прозрачное.

Это был маленький тонкий шприц с черной жидкостью.

- Что вы делаете? - вскрикнул Капитан.

Из коридора вбежал еще один человек в маске, щелкнул предохранителем и приставил к моему виску пистолет.

Я дернулся, но не мог освободиться из захвата. Руки крепко прижимали меня к стулу. Я попытался оттолкнуться от пола ногой, чтобы перевернуться на стуле, но меня сильным толчком поставили на место.

Полковник сделал два шага и оказался прямо надо мной.

Резким движением он засучил правый рукав моего пиджака.

Схватил меня за запястье.

Я почти не почувствовал боли - игла нырнула под кожу, и за доли секунды черная жидкость исчезла под напором поршня.

Полковник убрал шприц.

Меня больше не держали за руки. Я тяжело дышал и не понимал, что происходит.

Я даже не заметил, как в наручниках провернули ключ.

Полковник уже сидел за столом с совершенно спокойным лицом, будто ничего этого не было. Я не заметил, как он сел. И не заметил, как ушел тот второй

человек в маске, что наставил пистолет на Капитана.

Только в глазах Капитана я видел ужас.

– Можете идти, – с мягкой улыбкой сказал полковник.

* * *

Мы вышли на крыльцо под козырек здания. Небо затянуло тучами, моросил мелкий неприятный дождь. Я поежился, укутался в пиджак, достал сигарету и закурил, прикрыв ладонью огонек.

Место укола на запястье немного чесалось.

«Как комарик укусит», – говорили в детстве медсестры.

Мы стояли во дворе длинной пятиэтажки перед площадью, поросшей мхом и травой. В центре площади стоял разбитый фонтан, посреди которого дул в горн каменный пионер, почерневший от времени.

– Наверное, когда-то это был красивый фонтан, – сказал Капитан, зачесывая волосы пятерней назад.

Я впустил в легкие дым, запрокинул голову, резко выдохнул.

– Что это было? – спросил я.

– Вы про шприц?

Я кивнул.

– Это уголек. Вещество Кайдановского. Я рассказывал.

Капитан смотрел на меня, и его лицо выглядело встревоженным.

– Что вы чувствуете? – спросил он.

Я ничего не чувствовал. Только чесалась рука. Я пожал плечами:

– Ничего особенного.

– Тогда все хорошо. Надеюсь. Черт, надо было догадаться, что это может случиться.

– Что делает этот... уголек? – спросил я, с любопытством рассматривая еле заметный след от укола.

– Надеюсь, что в вашем случае – ничего.

Я не хотел ничего выяснять. Мы медленно пошли по площади в сторону дороги.

– Вы знаете этого полковника? – спросил я, кивнув в сторону здания, из которого мы вышли.

– Его фамилия Каменев. Владимир Сергеевич, если интересно. Начальник местного ОВД. Он жесткий человек. Верит, что охраняет людей снаружи от зла, живущего здесь. Ради этого он готов если не на все, то на многое, понимаете? Когда в стране начался бардак, тут тоже стали происходить жуткие вещи. Еще более жуткие, чем раньше. Каменев собрал вокруг себя всех, кто отвечал здесь за поддержание закона, и теперь командует ими. Он одержим и опасен, но его можно понять. К тому же он уважает Институт. Это оказалось нам на руку.

– Да, – я кивнул. – А этот «Прорыв»... Кто это вообще, в конце концов?

– Люди, которые хотят выйти отсюда. Очевидно, да? Их собрал Старик. Да, Старик... На самом деле он всего-то на пару лет старше меня. Раньше он служил в оцеплении этой территории, а потом пришел сюда со своим отделением. Он объявил, что поможет людям выбраться отсюда. Разрушит кордоны, блокпосты, стену с колючей проволокой. И люди к нему пришли. У них есть оружие. Базируются на железнодорожной станции, частично контролируют северо-восточную окраину города, иногда делают вылазки и нападают на оцепление.

- То есть отсюда все-таки можно выбраться?

- Они не выберутся отсюда. Их мало. И, знаете, в этом плане товарищ полковник прав. Нельзя, чтобы отсюда уходили. Иначе за ними во внешний мир пролезет зло, которое здесь живет. А вообще, конечно, тяжело тут. Они все идиоты, понимаете? Одни - идиоты, которые делают глупые поступки, чтобы сохранить порядок. Другие - идиоты, которые делают глупые поступки, чтобы его разрушить. Тут скоро такое начнется... Вы докурили? Пойдемте. Нас ждут в Институте.

- Зачем я нужен Институту?

Капитан виновато улыбнулся, посмотрел на меня, пожал плечами.

- Я не знаю. Но вам больше некуда идти.

* * *

Мы шли по тихой улице среди деревьев, по мшистой разбитой дороге, мимо одинаковых пятиэтажек с черными окнами, мимо детских площадок, ржавых качелей, сгнивших деревянных скамеек, буйно заросших кустами дворов. Не лаяли собаки, не каркали вороны, только моросил дождь, и пиджак промок почти насквозь. Было холодно.

Мы молчали.

Я не знал, что теперь делать.

Не оставалось больше ничего, кроме как держаться за этого странного парня, Капитана, и идти туда, где мы оставили машину, а потом в Институт. Он говорил, там помогут, если я помогу им. Но как я могу им помочь?

Бред, наваждение, идиотский сон.

Темнота, ширлики, озлобленные люди, убивающие друг друга, и этот покинутый город, и невозможность выбраться, и отвратительное ощущение, будто я не в

своей стране, а на каком-то отдаленном острове без связи с цивилизацией – впрочем, так оно и есть.

Да и вообще, если подумать, я уже почти два года как не в своей стране.

Эта осень навсегда. Этот дождь навсегда. И эти серые панели, сливающиеся с безобразным небом, разбитые тротуары, мшистый асфальт, поваленные столбы, неработающие светофоры, спутанная паутина провисших над головой проводов, они даже не жужжат электрическим гулом, просто молчат, как и все в этом городе – все молчит, все мертво, все заражено слепотой и безмолвием.

Капал дождь, ветер шумел в разросшейся листве, мы шли мимо облупившихся стен и заколоченных дверей. Хотелось сесть прямо здесь, на заросшей дороге, и бесконечно долго смотреть на асфальт.

– Я не знал, что в России есть такие забытые места, – сказал я. – Здесь очень тоскливо.

– Чего только нет в России, – ободряющим голосом ответил Капитан. – Вы не расстраивайтесь. Лучше подумайте о том, что, может, прямо по этой дороге, когда здесь еще не было города, а было только село Недельное, в сорок первом году бегали герои вашей книги. Бегали, стреляли, умирали, убивали немцев. Как там главного героя? Селиванов?

– Ага.

– Вот, и Селиванов ваш тоже. Кстати, вы его выдумали, или у него был прототип?

– Выдумал. Весь рядовой состав я выдумал, прототипы только у командного состава. Я много изучал...

– Хорошо, что изучали, – не дал договорить Капитан. – Знаете, а мне здесь иногда даже нравится. Тут есть ради чего жить, понимаете?

– И ради чего вы здесь живете?

Капитан открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

В городе взвыли сирены.

* * *

21 сентября 1993 года

Санкт-Петербург

Пятилетний Саша сидел у телевизора и не понимал, почему экран вдруг стал синим и на нем появились тревожные белые буквы.

– Обраще... ние... пре-зи-ден-та... – он начал читать по слогам, сидя на диване и болтая ногами. – Дедуль, а что такое федерация?

Дед сидел рядом, в майке и затасканных тренировочных штанах с отвисшими коленками, он с тревогой смотрел на экран и хмурился.

– Это, Саш, страна, где мы живем. Так теперь называется – Российская Федерация.

Саша продолжал читать.

– Бнель... цина... Кто такая Бнельцина?

Дед хотел было ответить, но на экране появился седой дядька в синем пиджаке и с красным галстуком, с пухлым и обвисшим лицом. За его спиной висел трехцветный флаг.

– Это Бнельцина? – спросил Саша, повернувшись к деду.

– Ельцин. Тише, Саш... – ласково ответил дед. – Надо послушать.

Дядька говорил неприятным скрипучим голосом, тяжело, серьезно, с тревожными паузами.

– Уважаемые сограждане! Я обращаюсь к вам в один из самых сложных и ответственных моментов. Накануне событий чрезвычайной важности...

Саша взглянул на деда. Тот внимательно и сердито смотрел на дядьку в телевизоре.

– В мой адрес потоком идут требования со всех концов нашей страны остановить опасное развитие событий, прекратить издевательства над народовластием. Уже более года предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным Советом...

Саша ничего не понимал. Дядька в телевизоре сначала показался ему смешным, а потом неприятным. Он подумал, что дед почему-то тоже не любит его.

– Большинство Верховного Совета идет на прямое попрание воли российского народа. Проводится курс на ослабление и в конечном счете устранение президента, дезорганизацию работы нынешнего правительства...

На кухню зашла бабушка, обеспокоенно посмотрела на экран, потом на деда. Подвинула стул, села рядом.

– А Ельцин – это наш король? – спросил Саша, покачнувшись на стуле.

– Вроде того, – ответил дед.

– А он рубит головы?

– Ему бы самому голову отрубить.

Саша не понимал, за что дед так не любит Ельцина. Может, за его противный голос? Он выглядел очень смешно, совсем не похоже на правителя: разве что на того забавного короля из старого фильма «Золушка». Но тот был добрый, а этот какой-то совсем непонятный.

Ельцин продолжал долго и скучно говорить. Саша не понимал ни слова, но, судя по тому, как внимательно дед и бабушка смотрели на экран, происходило что-то важное.

– Высшим органом законодательной власти становится Федеральное Собрание Российской Федерации, двухпалатный парламент, работающий на профессиональной основе. Выборы назначены на 11–12 декабря этого года. Подчеркну: не досрочные выборы Съезда и Верховного Совета. Создается совершенно новый высший орган законодательной власти России...

– Сволочь, – сказал вдруг дед.

– Не ругайся! – крикнул Саша.

Его так учила мама.

– Нет, Саш, тут можно ругаться.

Ельцин продолжал говорить. Почему дед так ругается на него?

– С сегодняшнего дня прерывается осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функции Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Заседания Съезда более не созываются. Полномочия народных депутатов Российской Федерации прекращаются...

– Вот же скотина, какая же сволочь-то, а, – повторил дед. Саша посмотрел на деда, на бабушку, снова на смешного, но противного дядьку Ельцина, который, как оказалось, что-то вроде короля в Российской Федерации. Ему стало тревожно – но не от того, что звучало по телевизору, а от того, с какими тревожными лицами дед и бабушка смотрели на экран.

– Обращаюсь к руководителям иностранных держав, зарубежным гражданам, к нашим друзьям, которых немало по всему миру. Ваша поддержка значима и ценна для России. В самые критические моменты сложнейших российских преобразований вы были с нами...

Вскоре Ельцин наконец закончил говорить, сказав почему-то напоследок «Спасибо».

Дед достал из кармана спортивных штанов пачку папирос и молча закурил.

Глава третья

Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»

21 декабря 1941 года, деревня Пожарки

– Командиры взводов, построить личный состав! – раздалось откуда-то из глубины деревни, там, где стоял штаб.

– Первый взвод, ста-а-ановись! – крикнул лейтенант Старцев, вставая от костра и оправляя шинель.

– Второй взвод, ста-а-ановись! – подхватил командир у дальнего костра.

– Третий взвод... – прокричали издалека.

Бойцы поднимались, отряхивали снег с коленей, оправляли ремни, затягивали вещмешки.

Они построились рядом – Селиванов, Пантелеев, Игнатюк, Максимов и остальные. Сержант Громов осмотрел их, тревожно огляделся, тоже встал.

Из темноты к ним выходили две фигуры, обе невысокие, в серых шинелях. Лейтенант Старцев еще раз оправился, набрал воздуха, выкатил грудь колесом, рявкнул:

– Смир-р-рно! Равнение напра-во!

Все три роты, весь стрелковый батальон 837-го полка строился на окраине деревни. С другого края Пожарок уже стягивались на построение бойцы второго батальона.

Было ощущение чего-то важного.

- Наступать будем, – перешептывались бойцы. – Вон, всех строят...

- В ночи, да по морозу! Немец будет драпать, только яйца звенели!

- Смотри, сам себе личный предмет не отморозь!

- Уж это обижаете, братцы...

* * *

Шли в темноте, полями, по кромке леса, обходя большие дороги, проваливаясь по колено в сугробы. Шли тяжело и медленно, все время останавливаясь, чтобы обождать остальных и не растягиваться слишком; но настроение у бойцов было приподнятое. Казалось, что бой будет легким, и все к этому вело, несмотря на всю серьезность дела.

После построения стало ясно, что дело и впрямь серьезное. Полку поставлена боевая задача этой ночью занять Недельное.

830-й полк еще не подошел, было решено атаковать главными силами дивизии – бойцами 837-го и 843-го полков. Комдив Груданов поставил задачу действовать решительно и без промедления. Скрытно выдвинуться к селу, обойдя стороной деревни Алешково, Григорьевское и Кожухово. Затем 837-й полк должен обойти Недельное слева, а 843-й полк развернется для атаки с южного направления.

Войти в Недельное, пока гитлеровцы располагаются на ночлег, создать панику и уничтожить врага.

Ударную группу усилили лыжниками с автоматами: глядя, как лихо они скользят по снегу, Селиванов пожалел, что он не с ними, да и каждый, наверное, жалел. Ноги в валенках быстро уставали месить сугробы, немели, промокали – но силы надо было беречь, силы им сегодня понадобятся.

- Скорей бы уже к деревне выйти, – вздохнул Пантелеев.

– Что уж поделаешь, такое наше дело, пехоты, мы ногами воюем, – попытался подбодрить его Игнатюк. – Слышь, Селиванов, а ты в своих тетрадках про нас напишешь, как мы тут по этому снегу пехом мучались?

– Напишу, – улыбнулся Селиванов.

– А напиши, что Игнатюк себе бубенцы отморозил! – сказал Пантелеев, хихикнув.

– Иди ты! – прикрикнул Игнатюк. – Не устали бы ноги, пенделя б отвесил...

– Потихе, бойцы, – послышался сзади голос сержанта Громова. – Немцам будем сейчас пенделей давать. Вон там уже огоньки появились...

Действительно, вдалеке, за темным силуэтом леса, еле заметно мерцали огоньки.

– Минут сорок ходу до Недельного, – сказал Громов.

Их нагнал, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, лейтенант Старцев. Полы его шинели волочились по снегу.

– Ближе уже, – сказал он. – Громов, твоим бойцам задача ясна?

– Так точно, трищ лейтенант.

Старцев хмуро кивнул, огляделся назад: бойцы растянулись длинной колонной вдоль леса, и не было видно им конца. Потом посмотрел вперед.

– В авангарде остановились. Давайте тоже передохнем, остальных подождем – опять растянулись.

Бойцы уселись в снег, выдыхая, снимая шапки и утирая вспотевшие лбы.

– Повоюем сейчас, – улыбнулся Игнатюк.

Повоюем, подумал Селиванов, повоюем. Он поймал себя на мысли, что ему даже ни капельки не страшно. Ему вообще было не особо-то страшно, а сейчас – совсем.

Он понимал, что сегодня немцы будут бояться. Что это они – Селиванов, Игнатюк, Пантелеев, и все отделение, и весь полк – будут сегодня их ночным кошмаром. Сегодня они сами станут страхом.

Ему нравилось думать об этом.

Он вспомнил свой первый бой. В сентябре, под Калугой. Вот тогда было по-настоящему страшно. Во второй тоже, и в третий, и четвертый – да что говорить, на войне всегда страшно, но со временем это притупляется, и в какой-то момент страх становится не помехой, не преградой неодолимой, а помощником. Чем-то вроде часов на руке, или столбика термометра, или компаса. Страх показывает, где опасность и как уберечь себя. Главное – не дать ему сожрать себя целиком, потому что если ты перестанешь контролировать страх, из помощника он превратится в твоего убийцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

1 мая 1993 года в Москве милиция разогнала праздничное шествие коммунистов.

Купити: https://tellnovel.com/pelevin_aleksandr/pokrov-17

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)